

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ТАНЕЦ
МАРИОНЕТОК

18+

ТОМАШ НИЗИНСКИЙ

Шедевры фэнтези

Томаш Низиньский

Танец марионеток

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Пол)

Низиньский Т.

Танец марионеток / Т. Низиньский — «Издательство АСТ»,
2018 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-121783-9

Офицер Исеидрир Норгаард вместе со своим полком наемников прибывает в отдаленную провинцию Каэлларх, недавно завоеванную королевством Эрея. Они должны поддерживать тут мир и порядок, но местные захватчиков ненавидят, так что ни о порядке, ни о мире речи не идет. К тому же полку поручено уничтожить организацию каэллархских повстанцев, таинственный Круг, и наемники, ведя расследование, не гнушаются ни пытками, ни убийствами. Сам Норгаард меж тем впутывается в сложный многоступенчатый заговор, в котором участвуют и местная знать, и эрейские военачальники, и даже присланный из столицы некромант. Постепенно верховная власть закручивает гайки, назревает бунт, но никто еще не знает, что этот болотистый, лесистый и отсталый край таит немало сюрпризов, а некоторые из них кошмарны настолько, что вся человеческая жестокость по сравнению с ними — лишь детские фантазии. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Пол)

ISBN 978-5-17-121783-9

© Низиньский Т., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Томаш Низинский

Танец марионеток

Глава 1

Мне нечего сказать в свое оправдание. Мое поведение не поддается никакому анализу и рациональному объяснению. Да, вы наверняка много раз слышали все эти байки... Наёмный убийца – его воспитала улица, а начинал он с мелких краж, чтобы не умереть с голоду. Бессовестный и циничный политик – в детстве на его глазах захватчики жестоко убили отца. Отравительница – жизнь полетела под откос, когда в результате пожара погибла ее семья. Звучит знакомо, не правда ли? Трагедии прошлого могут иметь далеко идущие последствия.

В моей биографии ничего такого вы не найдете. Нет в ней психической травмы, которая вынудила меня свернуть на скользкую дорожку и хотя бы частично оправдывает мои поступки. Моя семья не была ни богата, ни бедна, и, насколько мне известно, у нее по-прежнему всё хорошо. Ни одно трагическое событие не омрачило моей юности. Собственно, я даже горжусь тем, что сделал выбор самостоятельно. Никто не толкал меня на этот путь, я избрал его сам. Просто в один прекрасный солнечный день я решил отказаться от комфортной, законопослушной жизни и все просрать. И если хорошенько подумать, это на самом деле прекрасно. Поистине триумфальная победа свободной воли над социальным детерминизмом.

Как говорил один мой знакомый бард, в любой истории должен присутствовать злодей, и если в моей истории такого нет, значит, этот злодей – я сам. Я же смотрю на мир несколько проще: на своем пути мы встречаем только два типа людей – тех, кого можем столкнуть с дороги, и тех, кого нам приходится обходить. И хотя порой мне нравится представлять себя в этой истории большим злобным волком, всё же я не заслужил такого звания. Что же касается моральных качеств... можно ли винить пешку за то, что ей пришлось играть на стороне черных?

Повествования о тех, кто зарабатывает или когда-либо зарабатывал себе на жизнь мечом, начинаются обычно с банальной фразы типа: «Он покинул родной дом в поисках приключений». Терпеть не могу этого слова – «приключения». От него за версту несет наивностью детских сказок и героических эпосов, сочиненных сказителями в тепле и уюте домашнего очага. Нас соблазняют обманчивым миражом далеких путешествий, великолепных стран и непередаваемых ощущений, совершенно обходя вниманием блевотину, летящую за борт во время шторма, отвратительную жратву, вызывающую кровавый понос, гнойные раны и берущий за горло страх, который чужд только глупцам. За каждой славной раной, полученной в бою, прячется гангрена, за каждой ночью, полной страсти, – постыдная болезнь, и каждому непередаваемому ощущению предшествуют дни, если не недели, нервного ожидания.

Основную массу искателей приключений составляют люди, так и не нашедшие ни одного приключения. Если же кому-либо из этих экзальтированных кретинов всё же удается его отыскать, они быстро убеждаются, что подписывались на что-то совершенно иное. Но к этому времени, конечно, становится слишком поздно. Выражение «искатель приключений», по большому счету, можно отнести лишь к сопливым юнцам, потому что те, кто успел познать это сомнительное удовольствие, получили урок и новых впечатлений больше не ищут, разве что у них нет никакого выбора. Таких людей, отчаянных и прожженных, мы называем ветеранами.

Если, услышав это вступление, вы боитесь, что моя история окажется скучным рассказом человека, который всегда совершил правильный выбор и прожил долгую, спокойную жизнь в достатке и безопасности, то позвольте вас разочаровать. Вся моя мудрость крепка задним умом, и поверьте, несмотря на мой нынешний старчески-назидательный тон, я был полнейшим

кretином, когда принимал решения, направлявшие меня именно по тому, а не иному пути. В те времена мне нельзя было доверять что-либо ответственное. А поскольку все любят слушать истории о людях глупее, чем они сами, думаю, вам понравится мой рассказ.

Повсеместно в мире сложилось убеждение, что воины делятся на победителей и побежденных. Это, конечно же, полный бред. Истина состоит в том, что воины делятся на живых и мертвых. Неважно, насколько ты хорош в бою и как долго тебе везет, но просто невозможно в каждой битве оказываться на стороне победителей. Рано или поздно армии, за которую ты сражаешься, зададут хорошую трепку, и она разделится на тех, кто успел смыться с поля боя на своих двоих, и тех, кто остался лежать на этом поле навсегда. Человек нашей профессии быстро познает, в чем суть: не столь важно выиграть битву, сколько спасти свою задницу, независимо от результата сражения. И тем, что всё еще топчу землю, я обязан особому таланту в этом деле. Ни меня самого, ни подобных мне не стоит считать героями или искателями приключений – мы настоящие мастера переживать несчастия.

Меня зовут Исеидрир Норгаард, и мое труднопроизносимое имя выдает уроженца северного края, который вы, в своем континентальном высокомерии, именуете Другим Берегом. Еще подростком я начал ездить с торговыми караванами, но всего один болт, выпущенный из арбалета и попавший не в того человека, загнал меня в чащобу, и я, скрываясь от правосудия, стал промышлять на большой дороге. Позднее был солдатом, дезертиром и наемником, вешающим дезертиров вдоль дорог. Не думаю, что этот ранний, юношеский период моей карьеры особо вам интересен, и по большому счету можно без особых потерь для повествованиявести его к нескольким уродливым шрамам, мошне, набитой монетами разной чеканки, и одной очень неприятной венерической заразе. Так или иначе, путь, преодоленный мной в первые десять лет, привел меня в исходную точку этой истории – отвратительный город под названием Д'уирсэх, где был расквартирован наемный Седьмой полк, в котором я служил в звании поручика. Это место отличалось исключительно дрянной погодой и не менее дрянными жителями. Стало быть, мы находились в полной заднице – с географической точки зрения.

«Д'уирсэх» – так должно звучать последнее слово человека, подавившегося куриной костью, а не название довольно крупного города. И всё же это словечко хорошо отражает особенности речи местного населения, которая сплошь состоит именно из такого харканья и кашля. Благодаря врожденной способности к языкам я довольно быстро освоил это гортанно-булькающее наречие, но большинство моих собратьев из Седьмого полка упорно отказывались выучить даже основные слова и общались лишь на официальном эрейском языке, что не очень-то нравилось местным жителям. Не то чтобы это имело для нас какое-то значение. Аборигены и так нас ненавидели, а значит, вряд ли мы могли еще сильнее ухудшить ситуацию, и неважно, насколько открыто демонстрировали презрение к их языку и культуре.

Д'уирсэх – крупнейший город и столица Каэлларха, пограничной провинции королевства Эреи. Прежде чем попасть сюда, я провел немного времени в высокоразвитых торговых городах побережья, где дороги широкие и мощеные, движение колесниц и упряжек строго регулируется общепринятыми правилами, а помои выливают только в предназначенные для этого места и только в установленное городским советом время. В Д'уирсэхе, напротив, отношение к помоям куда свободнее – то есть выливают их в любом месте и в любое время. Преимущественное право проезда рассматривается исключительно в категориях скорости и физической силы. А что до мощеных дорог... Только один раз мне довелось в этом городе увидеть булыжник на дороге, и то он оказался там после того, как отскочил от головы городового после меткого броска какого-то малолетнего оборванца. Вершиной возможностей Д'уирсэхта в области дорожно-инфраструктурного строительства являются, без сомнения, две доски, перекинутые через лужу.

Климат в Каэллархе я бы определил как умеренно дермовый. Солнце появляется редко, а большую часть времени царит холодная, ветреная и дождливая погода, располагающая

прежде всего к пребыванию в тавернах и борделях. К сожалению, такие формы отдыха редко были нам доступны, поскольку враждебное отношение местных жителей заставляло постоянно оглядываться, опасаясь удара ножом в спину. Законы гостеприимства, как правило, не распространялись на нас, а плевок под ноги или болт, выпущенный из-за угла, были стандартной формой приветствия. Неприязнь туземцев, впрочем, вполне взаимная, ни в коей мере не была безосновательной.

Дело в том, что мы, Седьмой полк, находились на службе королевства Эреи, которое столетия назад завоевало суверенный Каэлларх. И с тех пор продолжалась оккупация региона, а случавшиеся раз в несколько лет восстания туземцев, добивавшихся независимости, каждый раз жестоко подавлялись. Впрочем, более ранняя история взаимоотношений Каэлларха и Эреи тоже не несла в себе признаков мирного сосуществования; по большому счету она состояла из двух поочередно сменявших друг друга фаз: войны и подготовки к войне... Языковые, культурные и политические различия между странами подогревали конфликт, а пожары на границе никогда не гасли. Каста воинов, иногда именуемая Кругом, до эрейского завоевания правившая в Каэллархе, постоянно бросала вызов Королевству. Однако из-за критической разницы в размерах территории и численности населения напрашивалось сравнение с мышью, бросающей вызов коту. К тому же в этой метафоре кот, помимо когтей и зубов, обладал богатыми залежами ресурсов, передовой техникой обработки металлов и логистически развитым тылом, позволявшим вести длительные кампании на враждебных землях.

Если кого-то жители Каэлларха ненавидели больше, чем солдат Эреи, то это были наемные подразделения на службе Королевства. Поэтому если боец Седьмого полка и выходил в город, то только в полной экипировке и в компании нескольких вооруженных сослуживцев, и где бы ни находился, всегда сидел у двери, спиной к стене. Когда командование спрашивало о настроениях в частях, офицеры часто использовали формулировку «низкий моральный дух». В ответ на тот же вопрос бойцы использовали несколько иные выражения, но почти всегда они содержали слово «блядь» в той или иной форме. Тем не менее первые восемь месяцев нашей службы в Д'уирсэтхе прошли относительно спокойно, хотя и не очень приятно. Но вот однажды в типичный для Каэлларха отвратительный и ветреный день начались неприятности. А все из-за того, что Ифрит был настоящим сукиным сыном.

* * *

– Это не значит, что я желаю Ифриту зла, – терпеливо объяснял Считала. – Я просто говорю, что когда мне не спится, я иногда представляю себе мрачную фигуру в черном плаще, которая очень медленно, но старательно лишает Ифрита частей тела, одной за другой, и при этом не дает ему потерять сознание.

– Понимаю, – ответил я, сочувственно кивнув. – Я бы не хотел делать поспешных выводов, но у меня есть основания полагать, что ты его не очень любишь.

– Ну почему сразу не люблю? – возмутился интендант. – Я лишь говорю, что если бы он покинул этот мир, я бы каждый день ходил на кладбище и танцевал на его могиле. Почему это сразу должно означать, что я его не люблю?

– И то верно. Я к тебе несправедлив. Я много раз видел, как ты танцуешь на могилах людей, к которым равнодушен и даже испытываешь симпатию.

– Святая правда. – Считала улыбнулся, явно довольный собой. – Однако это не меняет того факта, что Ифрит – мудак.

Снова я кивнул, признавая его правоту, и мы погрузились в молчание, созерцая открывавшийся перед нами вид. Мы сидели на крыше заброшенного особняка Мальдолини на Речной улице. Поскольку посещение общественных мест было связано с большим риском быть зарезанным бунтовщиками, плоская и просторная крыша этого высокого здания стала излюб-

ленным местом отдыха офицеров Седьмого полка. Отсюда можно было окинуть взглядом всю панораму города: скучившиеся вокруг массивной глыбы Цитадели высокие, аккуратные здания, принадлежавшие сановникам и богатым купцам, далее – более низкие и менее впечатляющие жилища ремесленников и мелких торговцев и, наконец, чернеющее на горизонте море темных, придавленных собственной тяжестью к земле деревянных лачуг, в которых жила беднота. Дом, на крыше которого расположились мы, по высоте уступал только городской резиденции рода ван Доррен и изящной, устремленной ввысь Цитадели, благодаря чему мы обозревали город, расходившийся кольцами, будто с макушками пирамиды.

Предыдущие жильцы оставили особняк Мальдолини, конечно же, не добровольно, это потребовало некоторого вмешательства с нашей стороны. Дело в том, что, когда мы только прибыли в город, граф де Верде, командир гарнизона, расквартировал наш полк в Старых Казармах, ветхом здании возле Большого рынка. Выдержали мы там месяц, поскольку во время очередных вспыхнувших в Д'уирсэти волнений бунтовщики подожгли склад, расположенный вблизи Старых Казарм, и огонь очень быстро перекинулся на наше здание. Конечно, ситуацию быстро взяли под контроль, но Старые Казармы были настолько разрушены, что де Верде просто списал их. Граф решил проблему размещения Седьмого полка типичным для себя способом – поправ достоинство оккупированного населения. Он приказал нам выдвинуться на Речную улицу, занять монастырь, а всех монахов прогнать взашей. А так как происходило это сразу после подавления беспорядков, мы, разумеется, не встретили никакого сопротивления, ведь все жители, склонные его оказывать, уже находились либо в тюрьмах, либо на глубине нескольких метров под поверхностью свежераскопанной земли.

Вскоре оказалось, что беспорядки и пожар в Старых Казармах обернулись нам на пользу. Крыша нашей прежней квартиры имела больше дыр, чем черепицы, подвалы походили на грибные плантации, а из-за вездесущей и непреходящей влажности проживание в казармах становилось совершенно невыносимым. Монастырь, напротив, предлагал вполне комфортные условия, а монахи оставили после себя полные кладовые провианта. Кроме того, монастырь располагался в самом центре плотно застроенного района, а потому нам пришлось создать вокруг него зону безопасности, иными словами выселить всех жителей из соседних домов и разместить там стражников. Вскоре мы стали считать эти здания не только форпостами, но и местами для отдыха, а самое заметное и высокое из них – особняк Мальдолини – занял офицерский корпус.

Именно об этом я размышлял, сидя на крыше в компании Считалы и наслаждаясь одним из тех редких моментов, когда дождь давал передышку промокшему городу. Из задумчивости меня вырвал какой-то шум, и я осознал, что слышу чьи-то приближающиеся шаги. Через некоторое время люк в полу приподнялся, и мы увидели мерзкую рожу Безумного Йорлана. Широко распространенная в полку версия утверждает, что от природы он был весьма привлекательным мужчиной, но страсть к взрывчатке быстро лишила его красоты. Его лицо покрывали шрамы и ожоги, а волосы со временем сильно поредели и по цвету напоминали выцветшую траву.

Он преодолел последние ступеньки, а когда вышел на крышу, оказалось, что в руках он держит полный ящик помидоров. Здесь следует подчеркнуть, что прозвище «Безумный Йорлан» он справедливо заслужил, получив его не за отдельные, не связанные между собой инциденты, а за все свое творчество и годы поведения, выходящего за рамки любых социальных норм. Поэтому, когда Безумный Йорлан появился на крыше конфискованного купеческого особняка с ящиком, полным помидоров, мы сочли это событие вполне естественным явлением. Правда, должно было пройти несколько лет, прежде чем наше командование окончательно оставило всякую надежду привить ему хотя бы каплю дисциплины, однако недавно все же удалось выработать компромисс, при котором Йорлану предоставлялась свобода действий, если только они не наносят непосредственного вреда полку. Таким образом, его фактически освободили от всех обыденных правил и обязанностей, и в итоге нам пришлось создать спе-

циально для него классификацию поведения, состоящую из трех категорий. Первая включала безобидные безумства, вторая – вредные только для Йорлана, а третья – безумства, опасные для него и всех находящихся в радиусе ста метров.

Проблема заключалась в том, что Йорлан был не только полнейшим психом, но и блестящим алхимиком, что делало его самым опасным человеком в мире. В третьей категории не было ни капли преувеличения. В полку никто не забыл осады Туреана, которая, несмотря на подавляющее преимущество и неоднократные штурмы с нашей стороны, немилосердно тянулась целых семь месяцев и закончилась совершенно случайно, когда Йорлан решил, что взрывчатка – отличное средство против досаждавших нам голубей. Когда город пал, маркиз де ла Мотр, под началом которого мы в то время воевали, наградил нашего алхимика медалью за особые заслуги, и тот был уверен, что получил свою награду за освобождение нас от несносных птиц, а не за десятиметровую дыру, проделанную в городской стене, которая позволила провести штурм.

Безумный Йорлан, разумеется, не объяснил, зачем появился на крыше здания с ящиком помидоров в руках. Объяснить что-либо было не в его стиле. Он просто стоял, ожидая, пока кто-нибудь из нас наконец не выдержит и спросит, зачем ему эти помидоры.

– Зачем тебе эти помидоры, Йорлан? – спросил я.

– Я купил их на рынке, – ответил он невинно.

– Я не об этом. Зачем тебе эти помидоры?

– Они были довольно дешевыми.

– Но зачем ты их купил? – вмешался Считала, который тоже поддался любопытству.

– А что мне еще было делать? Покупать груши? – воскликнул Безумный Йорлан. – Я ведь не извращенец.

– Что не так с грушами?

– Груши – извращение природы. Это все знают.

Мы сдались. С ним иногда лучше просто подождать. Терпение не его сильная сторона. Кстати, у Йорлана вообще не так много сильных сторон.

– Ладно, я расскажу. – Алхимик раскололся почти сразу. – Видите здание напротив? Это временный участок Городской стражи.

– Что ты говоришь? – фыркнул Считала. – А я-то думал, этот дом украшен флагами стражи, потому что его жители – ревностные сторонники общественного порядка. А так, в общем-то...

– Не прерывай, – перебил его Йорлан. – В участке есть комендант, а у коменданта есть комната на верхнем этаже. Письменный стол, за которым он работает, стоит у окна, а оно выходит в сторону здания, в котором мы сейчас находимся. Я собираюсь попасть в это окно.

Мы со Считалой переглянулись.

– Поделишься помидорами?

– Ты же не откажешь нам, правда?

Безумный Йорлан не принадлежал к тому типу людей, которые отказывают близким в удовольствии забросать помидорами представителей местной власти, и через короткое время стена участка покраснела от мякоти, стекающей по фасаду. Расстояние было большим, и наша меткость оставляла желать лучшего, поэтому большинство овощных снарядов разбилось о стену здания, но несколько раз нам все же удалось попасть в окно. К сожалению, внутри было настолько темно, что мы не смогли увидеть эффект нашей канонады, но разъяренные крики и ругательства, доносящиеся оттуда, убедили нас в правильном выборе стратегии.

Обстрел прервал Оуанга, низкорослый чернокожий поручик роты С, внезапно появившийся из люка в крыше за нашими спинами.

– Несколько городских стражников явились ко мне с жалобой, что вы кидаете помидоры в их участок, – сказал Оуанга, с интересом изучая эффект нашей наступательной операции. – И я прибежал как можно скорее, чтобы к вам присоединиться. У вас помидоры еще остались?

– Конечно, держи. – Считала вручил ему особо крупный экземпляр.

– Кстати, – добавил поручик, отправляя снаряд в здание Стражи – Исевдрир, Ника хочет тебя видеть.

– Черт возьми. Насколько сильно? «Заходи, как будет времечко» или «Для твоей задницы будет лучше, если ты не заставишь меня ждать»?

– Это каким-то образом связано с Ифритом, так что второй вариант. – Оуанга лукезарно улыбнулся, когда очередной брошенный им помидор попал прямо в открытое окно.

Я снова выругался и начал собираться. Спускаясь по лестнице, услышал голос Считалы:

– Я считаю, что Ифрит производит очень приятное впечатление, если закрыть глаза на то, что он настоящий ублюдок.

* * *

Да, да, я знаю, что вам хотелось бы узнать побольше о ИфRITE, но всё по порядку. Я до него дойду, но сначала должен рассказать об Олухе. По-настоящему его звали Джанфранко Лаццала, он был старшим сержантом Восьмого кавалерийского полка в эрейской армии, а его огромная башка таила в себе интеллектуальный потенциал переваренной цветной капусты. Разумеется, он не знал, что все зовут его Олухом. Не знаю, упоминал ли я об этом раньше, но Лаццала отличали высокий рост и крайне ограниченные мозги. Таких людей лучше обзывать шепотом и за глаза. А лучше всего – в мемуарах, спустя долгие годы.

Как так случилось, что гроза конских хребтов оказался в кавалерии и каким чудом ему удалось там остаться, я не в состоянии объяснить. Я никогда не видел Олуха на коне, и мне трудно представить животное, достаточно крупное для его веса. Я также не слышал, чтобы кто-либо в армии когда-либо видел, как он ездит верхом. Покопавшись в памяти, я вспомнил только одну историю, в которой Лаццала имел дело с лошадьми. Если верить этой байке – а рассказал мне ее, к слову, довольно сомнительный источник, пьяный конюх из армейской конюшни, – Олух был единственным человеком, которому случилось поглядаться с лошадью и выиграть. Я почти уверен, что это полнейшая чушь, но, уверяю, если бы вы хоть раз лично увидели сержанта, вы бы допустили такую возможность. Однако независимо от того, ездил он верхом или передвигался пешком, делал он это чертовски быстро. Если где-то в провинции надо было набить кому-то морду, сжечь мятеjnую деревню или конфисковать имущество бунтовщиков, Лаццала всегда оказывался на месте первым. Матери в Каэллархе пугали им своих детей, а эрейские офицеры ставили его в пример своим солдатам.

Я рассказываю вам о нем потому, что, спустившись с крыши, у входа в особняк Маль-долини я наткнулся на небольшое сбощице, которое навскидку можно было поделить на три группы. Первую составляли несколько разъяренных городских стражников, громко требовавших прекращения нашей овощной бомбардировки. Вторая состояла из трех часовых Седьмого полка, вяло, но стойко удерживавших разгневанных стражников от совершения какой-нибудь глупости. Третью, самую большую, хотя и единоличную группу составлял сам Олух.

Едва я появился в дверях, стражники, сразу узрев источник всякого зла, направили весь свой гнев на меня и принялись орать что-то невразумительное. Олуху, по-видимому, тоже было что рассказать.

– Норгаард! – проревел он, перекрыв голосом жужжение стражников. – Иди сюда, дело есть.

Я уже говорил, что Олух был сержантом, а я поручиком? Конечно, мы служили в разных подразделениях, но такой тон был неприемлем, несмотря ни на что. Однако Лаццала был не

просто сержантом. Он был Олухом, а этот ранг в неформальной иерархии превосходил многие офицерские звания.

– Я вижу, ты долго меня ждал, – спокойно ответил я. – Тогда я дам тебе аудиенцию.

На лице Олуха появилось выражение, которое можно было охарактеризовать как удивленное возмущение. Это обычно случалось, когда он не был до конца уверен, не издевается ли кто-нибудь над ним. Игнорируя орующих стражников, я подошел к нему поближе.

– Если снова речь пойдет о мануфактуре на Широкой…

– Чего? – удивился Олух, и я сразу представил, как медленно начали вращаться шестеренки под его черепом. – Нет, речь не об этом. У вас есть кое-кто, и он – мой!

Один из стражников явно не собирался уважать конфиденциальность нашей беседы и подошел вплотную, вероятно, с намерением высказать мне свое мнение о нашем поведении. Олух, которому и так нелегко давалась членораздельная речь, не любил, когда кто-то затрудняет его усилия и отвлекает своим перемещением. Он развернулся к стражнику и издал протяжный, предупреждающий рев. Истинно животный, ативистический характер подобного поведения подействовал более эффективно, чем какие бы то ни было слова или отсылки к воинскому званию. Самый крупный самец в стае только что показал другой особи, где его место. Стражник повернулся и ретировался в участок, ни разу не оглянувшись. Его товарищи еще мгновение колебались, оглядывались по сторонам, будто оценивая свои силы, а затем последовали примеру коллеги.

– Я вижу, что ты относишься к Страже с такой же симпатией, как и я, – обратился я к Олуху непринужденным тоном.

– Все стражники – придурки, – ответил он красноречиво.

Здесь стоит заметить, что сбежавший в ужасе стражник был на полголовы выше меня, а это значит, что я, по сравнению с Олухом, вообще выглядел карликом и не чувствовал себя комфортно в его компании. Разумеется, я не собирался ему это демонстрировать, хотя сомневаюсь, что Лаццала купился на мою напускную уверенность.

– Чем могу помочь, друг мой? – я спросил, глядя куда угодно, только не на Олуха. Чтобы смотреть ему в глаза, мне пришлось бы, как идиоту, постоянно задирать голову вверх, а это лишило бы меня остатков достоинства.

– Ротхар. Мне нужна его голова.

– Я знаю об этом уже месяц. А ты все это время знаешь, что он нам нужен.

– Не нужен. Он уже сказал, что знает. Я хочу его.

– Однако многие жители по-прежнему доверяют Ротхару и передают ему много ценной информации. Твоя ненависть к нему играет здесь немалую роль. Ты проделал большую работу, сообщив всем, кто хотел услышать, что мечтаешь убить его, и теперь людям трудно поверить, что Ротхар может быть нашим информатором. Вообще-то я должен поблагодарить тебя, из-за твоих угроз в его адрес Ротхар стал нам чрезвычайно полезен.

– Дайте его мне, или я сам возьму.

– Вот это вряд ли. Тебе известно, что Ротхар находится под нашей защитой, и об этом также знает твой командир. Но обещаю, как только Ротхар перестанет быть нам полезным, мы предоставим его тебе на блюдечке, и ты сможешь сделать с ним все, что захочешь.

– Не. Люблю. Ждать.

– Я в этом не сомневаюсь. И всё же ты не получишь Ротхара, пока мы с ним не закончим.

Олух взревел снова, но уже как-то без энтузиазма. Потом пожал плечами, кинул на меня зловещий взгляд и удалился, не попрощавшись. Я обернулся в сторону часовых, которые все это время стояли непоколебимо, охраняя вход в особняк. Я собирался задать им пару вопросов, но, взглянув в их лица, передумал. Эти ребята не испытывали ко мне в этот момент особой симpatии. Им пришлось сдерживать разъяренных стражников, пока офицеры наверху развлекались метанием помидоров.

Мне было немного стыдно за свое безответственное поведение, но я не сомневался, что окажись у меня в руке помидор, я бы кинул его в участок. Однако, поскольку я уже исчерпал выделенный мне запас овощных снарядов, не осталось ничего другого, как отправиться на встречу с Никой. Я шел легким шагом, чувствуя себя прекрасно в новых ботинках, которые пару дней назад я выиграл в карты у Гиены. Я нагло жульничал во время игры, и от этого мое новое приобретение казалось еще удобнее.

По дороге я размышлял над нашими сложными взаимоотношениями с Городской стражей. С виду может показаться, что Стража, Седьмой полк и эрейская армия образуют единый фронт, но это, конечно же, видимость. В действительности раздел проходил по четко очерченной линии: местные – чужие, или точнее: оккупированные – оккупанты. Наш полк и эрейская армия, как подразделения, состоящие из людей, родившихся за пределами Каэлларха, составляли инородное тело, оккупационные войска. В свою очередь, Городская стража, хотя и оставалась под контролем губернатора и сотрудничала с оккупантами, состояла только из местных, а ее офицерский состав традиционно происходил из богатых мещанских семей Д'уирсэтха, те же были сердцем и кошельком сопротивления. Королевские войска, разумеется, вербовали в родной Эре, и если в Каэллархе и проводился какой-то призыв, то таких новобранцев отправляли на противоположный край Королевства, чтобы избавить от соблазна присоединиться к восстанию.

Как в губернаторском дворце, так и в Цитадели, где размещался Генеральный штаб графа де Верде, прекрасно понимали, что Городская стража представляла собой многочисленное, хорошо организованное и вооруженное подразделение, которое в случае начала восстания без колебаний выступит против эрейской администрации. Вы спросите, почему же тогда Стражу не разогнали на все четыре стороны? Из политических соображений, разумеется. Долгое время губернаторский дворец проводил мягкую политику и даже предоставлял местным ограниченную автономию. Ключевым принципом этой политики было сохранение правоохранительных служб в руках туземцев. Из этого вытекали два очевидных преимущества: местные жители меньше хорошились, если их арестовывал земляк, а эрейской армии не приходилось тратить много времени на отлов мелких воришек и изгнание бродяг, что позволяло им полностью сосредоточиться на своем истинном назначении, то есть на политических преследованиях. Все выигрывают, не так ли? А как быть с тем, что в случае бунта Стражу может представлять большую опасность для королевской администрации? Во дворце губернатора никто всерьез не рассматривал возможность восстания, полагая, что уступки, на которые они согласились, полностью удовлетворят население. В Цитадели же относились к проблеме иначе. Граф считал, что всеобщий мятеж – лишь вопрос времени, и уже разработал сценарий усмирения Городской стражи на случай возникновения каких-либо тревожных сигналов. Де Верде всегда предполагал худшее. Я очень ценил это его свойство.

– Ника ждет тебя, – вырвал меня из раздумий чей-то голос.

Я поднял голову. Это был Винон, человек из моей роты, которого как раз поставили в караул у монастырских ворот. Я так углубился в свои размышления, что совершенно перестал обращать внимание на то, что вокруг меня происходит, и даже не заметил, как прибыл на место. Такое поведение чревато. Теоретически я находился в безопасной зоне, контролируемой полком, но так недолго выработать у себя дурную привычку. А потом человек даже обернуться не успеет, как получит ножом под ребро, возвращаясь в казарму из борделя.

– Знаю, – бросил я Винону в ответ и прошел через ворота.

– Уже довольно долго ждет! – услышал я вслед. – Не думаю, что ей это понравится.

Я не удостоил его ответа. Быстрым шагом преодолел двор, где скучающие бойцы готовились к тренировкам, и вошел в здание, кивком головы на ходу поприветствовал часовых. Идти было недалеко. Если полковник устроил себе кабинет в самом труднодоступном месте монастыря – на вершине южной башни, то капитан предпочитала сидеть как можно ближе к повсе-

дневной суете и выбрала себе в качестве кабинета келью, прилегающую к главному залу. Перед ним, как обычно, царила суeta, из-за поставщиков Считалы, пополнявших запасы нашего подразделения. Обогнув снабженцев, втаскивавших какое-то военное снаряжение, я пересек зал по диагонали и ввалился без стука в занимаемую Никой каморку.

Капитан приготовилась к моему приходу – иными словами, заранее изобразила на лице гримасу недовольства. Она сидела, откинувшись на спинку стула, а ноги в высоких сапогах для верховой езды положила на стол. На ней был легкий доспех, которого она никогда не снимала, а черные волосы, в последний раз распущеные, наверное, в лет десять, были стянуты в конский хвост. Она была вторым по важности человеком в полку и правой рукой полковника, и в круг ее обязанностей входило регулярно задавать перцу и намыливать холку мне и другим офицерам.

– Есть ли смысл спрашивать тебя про закиданный помидорами участок Стражи? – спросила она, как только я переступил порог.

– Мне ничего об этом неизвестно, – ответил я с невинным видом. – Но это звучит как начало хорошей истории, я с удовольствием узнаю больше.

– Не серди меня, Ис, – предупредила Ника. – У нас сейчас другие большие проблемы, но если ты такой хитрец, то получишь по заслугам за эти помидоры.

– Какие еще помидоры?

– Хватит, – жестко отрезала она. – Сегодня ночью тебе предстоит работа. Мы наконец узнали, где прячется алхимик Варак.

– И кто его нам выдал?

– Ты сам прекрасно знаешь.

– Ифрит.

– Перестань кривить физиономию, Ис. Он говнюк, но полезный говнюк. Во всяком случае, он выдал нам местонахождение Варака, благодаря чему мы как никогда близки к Кругу.

– Где?

– Заброшенный склад на Окольной улице. Штаб де Верде предоставил нам чертежи здания, подвалы склада соединяются с соседним борделем. Ты возьмешь десяток своих людей. Четверо останутся на улице, у входа на склад, остальные пойдут с тобой через подвалы. Я надеюсь, мне не надо напоминать, что Варак нужен нам только живым.

Я открыл рот, чтобы прокомментировать план Ники, но она тут же меня прервала:

– Если ты хочешь вставить какой-нибудь глупый комментарий о том, как провести ударную группу в бордель, то лучше лишний раз подумай.

Я закрыл рот и отказался от комментариев.

– Что-то еще? – спросила она.

– Если мы собираемся поймать алхимика, нам бы пригодился кто-нибудь, кто знает их штучки и сможет обнаружить ловушки, прежде чем мы на них наступим.

– Ты не получишь Йорлана.

– Мы бы уменьшили риск потерь...

– И не думай, – повторила капитан. – Это должна быть тихая и чистая операция, а где Йорлан, там взрывы. – Она сложила развернутый на столе план здания в рулон и протянула его мне. – Давай, иди, собирай людей. У тебя всего несколько часов на подготовку.

Инструктаж Ники никогда не занимал много времени. Она рассчитывала на нашу самостоятельность в мышлении. Не могу сказать, что этот метод приносил однозначно положительные результаты.

Я встал и двинулся к выходу.

– Еще одно, Ис.

Ну да, конечно.

– Никаких ошибок. После резни в аптеке Шлика мы больше не можем позволить себе потерь.

– Эта операция изначально была провальной! Как я мог избежать потерь, если все здание кишило...

– Именно поэтому я отправила туда именно тебя, а не какого-то сержанта. Я хотела, чтобы группой командовал кто-то, способный шевелить мозгами.

– Раз уж речь зашла о Шлике, то после чьего сообщения нас туда отправили? После вести от Ифрита. И вот сейчас мы опять собираемся...

Ифрит и его сомнительная лояльность – это моя проблема. Сосредоточься на том, чтобы вернуться сюда с Бараком и отрядом в полном составе.

– Большинство из нас считает, что Ифрит...

– И именно поэтому вам не доверяют более ответственных заданий. Ну, чего ты ждешь? Если хочешь изложить еще какие-то мысли, начни писать мемуары.

* * *

Покинув келью Ники, я заглянул в монастырскую кухню, откуда стащил кусок подозрительно пахнущего сыра, и вышел во двор, где залез на козырек пристройки. Отсюда я мог свободно наблюдать маневры моей роты, которая выполняла на плацу одно из бессмысленных строевых упражнений, которые Ника ввела, «чтобы у бойцов не оставалось времени на глупости». Они устраивались регулярно, но лично я проводил их только один раз, пока не догадался свалить всю работу на сержантов. К сожалению, это означало, что сейчас ничто не отвлекало мое внимание от неприятного запаха еды, попавшей на кухню, по-видимому, благодаря какому-то «выдающемуся» повару, неспособному отличить сыр с плесенью (местный деликатес) от заплесневелого сыра. Впрочем, первый я тоже считаю отвратительным – только в этой проклятой земле вечной сырости нечто, содержащее слово «плесень» в названии, может считаться съедобным. Впрочем, это не мешало мне глубоко восхищаться этим безвестным гением, который однажды взглянул на свой склад, полный испорченных молочных продуктов, и подумал: «Наверняка же есть какой-то способ убедить людей купить эту мерзость». Итак, я удобно расположился на козырьке, прислонившись спиной к стене, ел сыр, периодически задерживая дыхание и всячески стараясь на него не смотреть, и обдумывал трудные для себя решения, которые мне предстояло принять.

Дорогие мои читатели, попробуйте представить себя в моем положении. Посидите со мной на козырьке этой разваливающейся конуры, погрызите кусочек сыра, который слишком долго пролежал в сырьем монашеском подвале, прежде чем попасть на кухню, и представьте себе, что из банды, шагающей перед вами строем, вы должны выбрать десять человек, которых возьмете с собой на выполнение сложного задания. При этом учтите, что в данной гипотетической ситуации вы командуете ротой Е, которая по идеи должна насчитывать сотню бойцов, но редко бывает полностью укомплектована. Прямо сейчас, когда вы сидите на козырьке и, зажимая нос, сilitесь сдержать рвотные позывы, вызванные запахом сыра, у вас под началом пятьдесят человек, из которых лишь тридцать внушают доверие, двадцать в меру компетентны, а трое достаточно умны, чтобы не требовать над собой постоянного контроля. Эти трое – ваши сержанты: Чи, Цефель и Зелёный, которые носятся вдоль шеренг и наводят дисциплину среди строптивых бойцов. Я уверен, что вы, будучи людьми весьма наблюдательными, не могли не заметить, как при каждом новом маневре Цефель и Зеленый поглядывают украдкой в сторону Чи и не столько отдают распоряжения своим подразделениям, сколько повторяют ее жесты и команды. И когда вы увидите, как изящная сержант точным пинком ставит в стойку смирно двухметрового остолопа, у вас не останется сомнений, без кого вам никак не обойтись.

Вы должны знать, что Чи родилась по другую сторону Пограничных гор и была низкой, косоглазой девушкой с поразительно мощным голосом. Она так плохо владела мечом, что представляла большую угрозу для себя, нежели для противника. Вместе с тем она отличалась

блестящим умом, благодаря чему ее авторитет среди бойцов роты Е был неизмеримо выше, чем у кого-либо другого, включая меня. Иными словами, она, как и я, восполняла свои физические недостатки интеллектом, и я убежден, что когда мои сомнительные решения приведут меня наконец в могилу, Чи станет великолепным командиром роты Е.

Сдержите рвотный рефлекс, мои дорогие читатели, и проглотите еще один кусочек сыра, а затем обратите внимание на этого бледного заморыша, который практически засыпает стоя, несмотря на всеобщую суматоху вокруг. Даже с такого расстояния вы наверняка сможете заметить, что, даже засучив правый рукав, так что видна полковая татуировка, свою левую руку он прячет под черной, идеально подобранный перчаткой. Это Инацио Ферранте да Лавес, или просто Ферре. Вы, возможно, слышали о нем как о легендарном фехтовальщике, знаменитом на весь Континент. Нет, он не был по рождению воином, нечеловечески быстрым и опасным. Ферре мог вырасти ленивым и избалованным аристократом. Однако в подростковом возрасте принял лучшее решение в своей жизни и продал душу демону в обмен на невероятное мастерство фехтования. Будучи решительным материалистом, Ферре утверждал, что душа – это миф и порождение наивных фантазий, а потому без малейших колебаний и с большим охотой он продал ее, чтобы стать непревзойденным фехтовальщиком. В результате после сделки получил клеймо демона, из-за чего его левая рука стала синей и холодной, как у трупа. Ферре, отличавшийся практичностью, с той поры стал постоянно носить кожаную перчатку, но при этом ни разу не усомнился в полезности совершенного обмена. Его однополчане, также не отличавшиеся особой духовностью, были полностью согласны с его умозаключениями и рассматривали подписанный им контракт как самую односторонне выгодную сделку в истории. Сам демон иногда любил навещать Ферре, зловеще хохотал из тьмы или ни с того ни с сего трубным гласом возвещал: «Ты принадлежишь мне!» – на что тот ему отвечал выставленной фигой или каким-либо иным, более вульгарным жестом. И вы, верно, согласитесь со мной, если я скажу, что, хотя не считал себя вправе осуждать своего подчиненного за его демонические связи, но и упустить возможность воспользоваться его уникальными способностями я тоже не мог.

Не забывайте также, мои внимательные читатели, что вам скоро придется тащиться посреди ночи в город, жители которого искренне вас ненавидят, а последняя такая операция закончилась кровавым месивом в тесном пространстве, когда на вас внезапно напала банда фанатиков Круга в звериных масках. Учитывая этот опыт, я бы не удивился, если бы ваш взгляд выцепил в шеренге две внушительные фигуры – Угх и Губку. Угх, двухметровая и чертовски сильная чернокожая женщина, самым удивительным образом сочетала в себе чуткую и милосердную натуру и убийственный, животный инстинкт. Губка же, превосходивший ее и в росте и в ширине плеч, обладавший такими атрибутами, как светлая борода до пояса и огромный топор за спиной, более напоминал языческого бога народов Севера, нежели простого смертного. Губку на самом деле звали Ваширх Хаймоэлт, и, как явствует из фамилии, он был в полку единственным, помимо меня, выходцем из страны вечной зимы на севере Другого Берега. Благодаря происхождению мой авторитет в глазах Губки был даже выше, чем у Ники или полковника. Прежде он служил в роте С поручика Оуанги, но из-за своего гребаного расизма отказывался выполнять приказы черного командира. Поэтому его перевели в мою роту Е, и с тех пор, по возможности, он воздерживался от выражения презрения к другим расам. Отдавая себе отчет в том, какое культурное многообразие царило в моем подразделении, я опасался, что рано или поздно здесь прольется кровь, однако до сих пор мне удавалось держать эту банду под контролем, хотя, по правде, заслуга в этом принадлежала исключительно Чи. Несколько лет назад, когда она выбилась в сержанты и Губка узнал, что ему предстоит ей подчиняться, он несколько дней подряд язвил и жаловался всем, что вынужден исполнять приказы представительницы «слабой расы». Вскоре после этого несколько бойцов видели, как Губка выходит из квартиры сержанта со слезами на глазах, и с тех пор он безоговорочно ее слушался. В роте

тогда возникло много гипотез, и почти все они так или иначе ссылаются на сверхъестественные силы.

И в самом конце, с трудом проглатывая последний кусок желто-зеленой снеди, вы можете столкнуться со следующей дилеммой: что для вас важнее, высокие навыки фехтования или же наличие хотя бы остаточного количества здравого смысла? Если в сложившейся ситуации вы сочли здравый смысл второстепенным, то я полностью с вами согласен, и потому, выбрав еще четверых надежных и заслуживающих доверия людей, я поручил Чи позвать также Гиену и Паршу, которые тогда получили выговор и потому стояли в карауле возле Навозной кучи, где весь полк удовлетворял свои физиологические потребности. Эта парочка умудрялась попадать в неприятности при выполнении простейших заданий и не могла сохранять хладнокровие даже во время полдника, но они были двумя лучшими мечами в роте (помимо Ферре, относившегося к совершенно иной категории). Их достоинства как охранников оценивались весьма неоднозначно, поскольку для своих собратьев они представляли большую угрозу, чем любой враг. Они хватались за оружие по любому поводу, и если начинали рубиться, то становиться уже не могли. Не нужно быть провидцем, чтобы предсказать, что причиной смерти этой парочки станет не старость, не солдатские харчи и не болезни, а собственная глупость. Ну, ладно, возможно, я немного преувеличил. Опираясь на статистику, можно с большой долей вероятности предположить, что по крайней мере один из этих придурков умрет от паскудной жратвы, прежде чем его убьет собственная некомпетентность. До сего времени мне приходилось постоянно приглядывать за ними.

* * *

– Эта наводка пришла от Ифрита? – спросила Чи. – Откуда нам знать, что это не ловушка?

Я как раз завершал последние приготовления в своей келье, когда сержант заглянула ко мне. Она была уже полностью готова к выдвижению и держала в руках легкий арбалет. Чи знала свои сильные и слабые стороны, а потому никогда не предпринимала серьезной попытки освоить ближний бой, вместо этого сосредоточившись на совершенствовании навыков стрельбы. Она, конечно, носила короткий меч на поясе, но в основном напоказ.

– Глупый вопрос, – ответил я, подбирая легкий доспех, состоящий из нагрудника и латной юбки. – Конечно, никакой уверенности нет.

– Ты неправильно меня понял, – заволновалась Чи. – У нас много доносчиков, которым мы по праву не до конца доверяем. Но о ИфRITE мы точно знаем, что он продает информацию обеим сторонам, и несмотря на это вечно тащимся туда, куда он нас отсылает. Когда-нибудь мы точно спалимся.

– Ника отвечает за него. Пока он нас не подставил, и, по мнению госпожи капитанши, он прекрасно понимает, что, попытайся это сделать, Седьмой полк повесит его за яйца.

– Я не верю, что Ифрит способен рационально оценивать свое положение. Если бы он действительно боялся столкновения с опасными людьми, то не сотрудничал бы со всеми сторонами конфликта. Все знают, что он продажная тварь, и это только вопрос времени, когда какая-нибудь из сторон потеряет наконец терпение и грохнет его. Но Ифрит, кажется, не понимает, что его поведение может повлечь неприятные последствия.

– К чему ты клонишь? – спросил я с раздражением. – Ты пытаешься убедить меня, что Д'урсэх стал бы приятнее, если бы эту гниду нашли в сточной канаве с перерезанным горлом? Я уже на твоей стороне. Но всё дело в Бараке. Ника ухватится за любую зацепку, которая приведет ее к нему, независимо от источника информации. Она готова пожертвовать всей нашей ротой, чтобы найти того, кто приведет ее к Кругу.

Чи надулась, а потом неохотно сменила тему.

— Я так понимаю, что мы принципиально отказываемся от анонимности во время этой операции?

— Нет никакого смысла переодеваться, если мы берем Угх и Губку с собой. С тем же успехом мы могли бы петь гимн полка, прогуливаясь по улицам. Никто из местных не поверит, что мы свои. Но группа наемных солдат, входящих в бордель, никого не удивит. А потом мы вышибаем дверь, выбиваем всё дермо и тащим пленника из логова.

— Тонкий план. Но насколько я помню, сила никогда не была лучшим решением.

— Кто бы это ни сказал, силы у него не было.

— Это ты сказал, три дня назад.

— Всё верно. Я не специалист по силовым решениям, — признался я, немного смущившись. — Для этого у нас есть Угх и Губка.

Чи иронически улыбнулась, играя с ожерельем, представлявшим собой нечто вроде переплетенного щупальцами глаза.

— Что это? — спросил я, чтобы сменить тему.

— Символ чего-то, во что я уже давно не верю.

— Бога с твоей родины?

— Что-то вроде этого, — смущенно ответила Чи. — Бог — это плохое слово. По другую сторону Пограничных гор мы не верим... люди не верят в богов, в таком понимании, как здесь. Там совершенно отличное от вашего представление о божественной сущности. Даже выражение «тварь божья» вводит в заблуждение. Все ваши религии упорно придают богам человеческий облик. И даже если некоторые религии по эту сторону гор признают невидимых и непознаваемых божеств, их все равно воспринимают в человеческих категориях, приписывают им намерения, замыслы и прихоти. Люди с той стороны верят во что-то менее... личностное.

— Я понимаю.

— Ты не понимаешь. Я тебе вообще ничего не объяснила. В этом языке нет соответствующих понятий. Даже моим родным языком это очень трудно выразить. Впрочем, — она отмахнулась и спрятала ожерелье под рубашку, — прошло слишком много времени. Сейчас я и сама уже мало в этом смыслу.

Это то, под чем и я мог бы подписьаться. Любой член полка мог бы.

Герард, наш полковник, презирал любые символы, как религиозные, так и сентиментальные, но никогда не запрещал бойцам их носить. Этого и не требовалось. Только новобранцы выставляли напоказ цацки, выдававшие их происхождение или религию. Через несколько лет они всё выбрасывали и оставляли на своем теле только один символ: татуировку кусающей змеи, которая обивалась вокруг правой руки. Было это, впрочем, вполне понятно. Служба в полку бросала людей во все новые и новые, неизвестные земли, где к ним относились как к пришельцам, оккупантам, захватчикам, даже если наниматель полка утверждал, что эти владения юридически ему принадлежат. В постоянной атмосфере чужеродности и угроз, в отрыве от семейных традиций старые верования теряли свою силу. Боги детства, прежде такие могущественные, казались смешными в этих непонятных странах, где их не только не боялись, но даже ничего о них не слышали. Когда тебя окружают чужаки, которые могут предательски ударить в спину или перерезать во сне горло, кто защитит, как не товарищи из отряда? Кому еще можно доверять, на кого полагаться? И так постепенно новобранец, обвешанный побрякушками, с завязанным на шее цветным платком, превращается в облаченного с ног до головы в черный полковой цвет ветерана, входящего в трактир с закатанным правым рукавом, чтобы все гости знали, кто за ним стоит и кто сожжет всю эту деревню, если хоть волос упадет с его головы.

Чи вышла, а я последовал за ней, поверх нагрудника натянув куртку с вышитыми символами полка на плечах. Я не собирался добровольно подставляться, потому мой наряд был лишен каких-либо отличий, выдающих офицерское звание. Не было в нем также ничего, что

напоминало бы мне о стране, где я родился. Каждый элемент моего снаряжения и одежды попал ко мне непосредственно со склада Считалы.

* * *

Мы выдвинулись вскоре после наступления темноты. Прятаться от глаз прохожих не стоило, в это время в Д'uirсэтхе военных патрулей было больше, чем мирных граждан, и еще один марширующий отряд не привлекал внимания. Когда добрались до места, нам все же пришлось остановиться, так как из борделя как раз вывалилось несколько пьяных эрейских солдат. Теоретически мы были союзниками, но «настоящие эрейцы», особенно после нескольких кружек пива, любили показывать наемникам, где их место, и последнее, что нам нужно было в этот момент, так это случайная драка. Я быстро отвел отряд вглубь улицы, по которой мы пришли, а сам занял позицию на перекрестке, в тени уличного указателя, где наблюдал, как солдаты медленно выползают из здания. Табличка над моей головой сообщала, что мы находимся на пересечении улиц Окольной и Отшибной. По указанию губернатора все названия улиц обозначались на двух языках – эрейском и местном. Мы для собственного удобства всегда пользовались эрейскими названиями, но они были лишь более-менее удачным переводом с местного наречия. И если в центре города, в районе, хорошо знакомом губернаторским чиновникам, переводы были, как правило, точными и содержательными, то на окраине, в бедных кварталах, топонимы звучали более… абстрактно. Трудно сказать почему: то ли на улицы похуже отправляли менее талантливых переводчиков, то ли так проявлялась зловредность местных жителей. Классическим примером служила улица Благоухающего Угря, расположенная возле рыбного рынка, где у мелких торговцев можно было на свой страх и риск купить рыбу разнообразной свежести.

Королевские солдаты, еле держась на ногах и матерясь, наконец скрылись в дальнем конце Окольной улицы, и я дал знак своим начинать наступление. Чи и трое наших бойцов заняли позицию у входа на склада, а я и остальные шестеро вошли в бордель. Заведение было первоклассным, от самых дверей нас окружили потрясающие интерьеры, дурманящие запахи и звуки, как издаваемые музыкальными инструментами, так и более физиологической природы. Я почувствовал, что уровень концентрации моих людей катастрофически падает.

Почти сразу к нам подскочила мадам, чрезмерно накрашенная и полноватая дама в летах.

– Ах, добро пожаловать, добро пожаловать, храбрые воины, – слышаво закудахтала она. – Мы очень любим такие групповые визиты. Чем могу служить?

– Мы собираемся спуститься в подвалы, – сообщил я.

– Хорошо. Но за извращения придется доплатить.

Я на мгновенье опешил. Парша за моей спиной начал хихикать.

– Я имею в виду в прямом смысле подвалы, под этим зданием, – объяснил я, пытаясь сохранить серьезный и грозный вид. – Нам надо через них пройти.

– Боюсь, что это невозможно. – Мадам покачала головой. – Эти помещения в настоящее время используются нами довольно… интенсивно.

– Кажется, мы не поняли друг друга, – сказал я ледяным голосом. – Это не просьба.

Мадам кивнул вышибале, который из угла прислушивался к нашему разговору.

– Гиур, дорогой, покажи нашим гостям, где находится выход.

Громила сделал шаг вперед, но, прежде чем он успел что-либо предпринять, Ферре уже возник возле него. Я едва уловил его движение – вот блеснул нож, и поток крови хлынул из шеи вышибалы. Через мгновенье боец уже стоял на прежнем месте, спокойно вытирая нож, а Гиур с перерезанным горлом истекал кровью на полу.

– Посмотри на нас внимательно, – обратился я к перепуганной мадам. – Подумай хорошо, ты точно хочешь снова нас выдворить? Потому что независимо от того, сколько у тебя еще

таких головорезов, в конце этой истории твой труп будет болтаться на фонарном столбе. А теперь веди нас в подвал, мы сделаем свое дело, и ты никогда нас больше не увидишь, разве что кто-то из нас захочет кого-нибудь тут отыметь.

Некоторое время она стояла неподвижно, парализованная страхом, а потом, чуть помедлив, повела нас в подвал. Вскоре выяснилось, почему она так неохотно впустила нас в эти помещения. Бордель находился под весьма эффективным управлением, и ни одному закутку этой недвижимости не позволено было пустовать. Потому подвалы предназначались для гостей с несколько нетрадиционными предпочтениями. Спустившись туда, мы внезапно оказались среди обнаженных мужчин и женщин, кто-то хлестал кнутом, кого-то хлестали, одни ходили на поводке, другие висели, связанные веревками, а третьих приковали наручниками к стенам. У некоторых клиентов наше появление вызвало стыд или страх, но многие сочли нас частью шоу. Если бы не более неотложные дела, мы бы внимательно изучили всех присутствующих и переписали имена для шантажа в будущем. Возможно, когда-нибудь нам представится возможность вновь посетить это место с записной книжкой и хорошим светильником.

Несмотря на толкотню и плохую видимость, мы довольно быстро пробрались через подвалы борделя. Несколько раз приходилось призывать к порядку Гиену и Паршу, которые не могли удержаться, чтобы не полапать попадающихся на пути проституток или похвостать над обнаженными клиентами. Я не мог припомнить, почему решил, что взять их с собой – хорошая идея.

Мадам привела нас к прочной дубовой двери, за которой открывался проход на склад. Она вытащила из-за пазухи ключ и провернула в замке. Едва открыв дверь, она потянулась было за ключом, но я схватил его первым.

– Спасибо. Это всё, – холодно произнес я. – Ключ нам еще понадобится. Не волнуйтесь, я запру дверь снаружи.

Бандерша пыталась что-то возразить, но быстро опомнилась. Мы прошли через дверь, и я запер ее за собой, когда уже весь отряд оказался на другой стороне.

Оказавшись в тайном убежище алхимика, подозреваемого в сотрудничестве с повстанцами, мы, конечно же, ожидали неприятностей. Здесь наверняка, как мы считали, было расставлено множество ловушек с зарядами, взрывающимися под нашими ногами, или высекающими из стены лезвиями. Мы представляли льющуюся с потолка кислоту и облака ядовитого газа. Ждали толпу вооруженных мятеежников, готовых защищать своего ценного союзника. Поэтому вообразите себе наше удивление, когда сразу после входа в хранилище нас тепло встретил нервный и болтливый старик, который явно не мог сдержать радости при виде гостей.

– Добро пожаловать, уважаемые дамы и господа! – воскликнул алхимик, увидев, как наш отряд, поднявшись по лестнице из складского подвала в главный зал, протискивается через узкий проход. – Вы даже не представляете, как я рад вас видеть! Гип-гип-ура! Да здравствуют отважные воины Эреи! Это же наши парни!

– Чё за нафиг? – вырвалось у Парши.

Перед нами стоял сгорбившийся пожилой человечек, одетый в огнезащитный фартук и шапочку с подпалинами. Все волосы на его голове были сожжены, а лицо перепачкано сажей.

– Да, да, я понимаю ваше удивление – закудахтал он. – Отчего этот Варак так рад прибытию эрейцев? Разве он не должен закидывать их бомбами? Разве не должен убегать? Нет, нет, нет, да, да, да.

– Я не уверен, стала наша миссия сложнее или проще, – буркнул я.

– Вы пришли меня забрать? – спросил Варак и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Хорошо, хорошо, хорошо. Заберите меня отсюда, и побыстрее. Я облажался, и бунтовщики меня сейчас недолюбливают. Я с радостью присоединюсь к вам, эрейцам. Мне нужна хорошая защита. Вы же не против взрывов? О, я вижу, вы не из пугливых. Мы наверняка договоримся.

Единственной формой сопротивления со стороны алхимика была бесконечная болтовня. Я подал сигнал Ферре. Тот подошел к Вараку и быстрым ударом лишил его дыхания, а затем спокойным движением вытащил из кармана подготовленный Йорланом флакончик и пропитал носовой платок содержащейся в нем жидкостью. Ловким приемом он скрутил алхимика и прижал платок к его лицу. Старик тут же обмяк в его руках и свалился на пол без чувств.

– Это... было совсем не так сложно, как я ожидал, – с удивлением произнес Гиена. – Подумать только, я мог бы сейчас лежать в своей постели. Или на полу в борделе за стеной.

– Не волнуйся, – сказал бесстрастно Ферре, пряча платок в карман. – Еще что-нибудь обязательно пойдет наперекосяк.

– Губка, – скомандовал я и указал на алхимика.

Губка вальяжно подошел к валявшемуся без чувств пленнику, без особого труда поднял его и перекинул через плечо, как тюк.

– Хочешь обыскать здание? – обратился ко мне Ферре.

– Нет, у нас есть то, что нам нужно.

– Мы вернемся через бордель или через основной вход?

– Через бордель. Накиньте капюшон на лицо Варака, это будет выглядеть так, будто мы несем пьяного друга.

Они сделали, как я сказал, и мы спустились обратно в подземелье. Вновь проследовали через подвалы борделя, привлекая удивительно мало внимания. А потом, как сказал наш бездушный пророк, все действительно пошло наперекосяк.

Мы поднялись по лестнице, ведущей из подвалов борделя на первый этаж, и оказались в главном зале, через который проходили раньше. Только на этот раз он был пуст. Нигде не было видно ни мадам, ни проституток, ни клиентов. В моей голове прозвенел предупредительный звоночек, но мы все равно двинулись вперед. И тогда ловушка захлопнулась.

Вдруг как из-под земли вокруг нас выросло около полутора десятка девушек, и каждая из них держала в руках натянутый арбалет. Мы стояли в центре зала, окруженные и совершенно застигнутые врасплох. Иными словами, я проявил полный тактический идиотизм. Ну почему кто-то однажды решил, что доверить мне командование подразделением – это хорошая идея?

– Это честь принимать в наших стенах представителей славного Седьмого полка, – раздалось сверху. – Жаль, что мы познакомились при таких неприятных обстоятельствах.

Голос принадлежал женщине, которая стояла на вершине лестницы. Женщина была настолько ослепительно красива и так чувственно одета, что мой наученный опытом и пропитанный цинизмом инстинкт сразу же завопил: «Ловушка!». Как раз вовремя.

– Кто из вас командир? – спросила она.

Мгновение я колебался. Долгие годы Ника вбивала всем офицерам в голову: «Никогда не выдавайте врагу структуры командования». Но мне, выражаясь метафорически, уже приставили нож к горлу, а изъясняясь буквально, направили в спину арбалет.

– Поручик Исеидрир Норгаард, – представился я. – Сударыня, я не хотел бы оскорблять ваше гостеприимство или показаться невежливым в отношении присутствующих здесь дам, но на Окольной улице, прямо перед вашим чрезвычайно гостеприимным домом, в данный момент находится группа наших соратников, которые видели, как мы входили в этот храм любви. Как вы думаете, как они отреагируют, когда поймут, что мы из него не вышли? Как быстро посланник может добежать от Окольной до монастыря на Речной и вернуться сюда с отрядом бойцов Седьмого полка, жаждущих мести?

Женщина на лестнице послала мне ослепительную улыбку, из-за которой мне очень трудно было принять ее за врага.

– Поручик, почему сразу предполагать худший сценарий? Однако, если бы это произошло, вы действительно думаете, что я не смогла бы сфабриковать убедительные доказатель-

ства, не вызывающие никаких сомнений, что ваша смерть произошла в доме моего милого соседа и известного националистического деятеля – купца МакКуирхена?

– Я думаю, вы не очень хорошо понимаете менталитет солдат, несущих службу в армии, которая оккупировала враждебную провинцию. Если группа военных погибнет в каком-то здании, то никто не теряет время на проверку, где это случилось. В этом случае просто сжигают всю улицу, а всех жителей вешают на столбах.

– Я не разочарована в вас, поручик. Вы полностью соответствуете своей репутации.

Я скривился.

– Я этому не слишком рад. Репутация – опасная вещь. Людям, лишенным ее, не приходится вести такие разговоры с арбалетами, направленными им в спину.

– Разумеется, людям без репутации перерезают горло без предварительной беседы. Мы, наверное, плохо друг друга поняли. У меня нет никаких враждебных намерений по отношению к вашему полку. Напротив, я очень заинтересована в налаживании… сотрудничества. Но если вы дадите мне повод, я убью вас всех, а потом обеспокоюсь тем, как убежать от мести ваших коллег. Но я бы предпочла найти бескровное решение. Приглашаю в свой кабинет, поручик, я уверена, что нам удастся что-нибудь придумать.

Я огляделся вокруг и попытался проиграть в голове безумный сценарий оказания сопротивления. Ферре пристально смотрел на меня, ожидая сигнала. Я не сомневался, что девушка, которая целилась в него, находилась в большей опасности, нежели он сам. Это был один из тех моментов крайней опасности, ради которых он пожертвовал всем, и его глаза горели жаждой убийства. Однако шансы остальных моих людей были намного меньше. Если бы дело дошло до схватки, я бы потерял не менее половины отряда. Я не собирался рисковать. Я кинул взгляд на лестницу. Женщина наблюдала за мной с улыбкой, наверняка прекрасно понимая, о чем я думаю. Через пару мгновений она махнула мне рукой и повернулась. Я последовал за ней.

Она отвела меня в комнату, которая более напоминала купеческуюkontору, нежели бордель. Центральное место занимал элегантный письменный стол из красного дерева, заваленный бумагами и письменными принадлежностями. За ним стояло удобное кресло, а спереди – два стула для гостей. Вдоль стен располагались шкафы, заполненные книгами. Окна затеняли тонкие красные занавески, благодаря чему на комнату ложится кровавый от света. Меня усадили на один из стульев для гостей, а моя хозяйка села по другую сторону стола. Только сейчас я смог разглядеть ее поближе. Она имела идеальную фигуру, тонкий, но эффектный макияж и длинные черные волосы. Ее раскосые, характерные для людей, прибывших из-за Пограничных гор, глаза имели удивительный голубой цвет с ледяным и бодряще-холодным оттенком, как ведро воды, которое будит вас от сна.

– Простите, я еще не представилась. Моё имя – Араи, я хозяйка этого заведения.

– Приятно познакомиться. Тогда кто была та женщина, которая показала нам путь через подвал?

– Ах, это была всего лишь Сорин. Забудьте о ней. Она подвела меня и не будет здесь больше работать. Ни здесь, ни в другом месте.

Я воздержался от комментария.

– Исеидрир… интересное имя. Я правильно его произношу?

– Безупречно, мадам, – солгал я. – Как будто бы вы тренировались в его произношении перед нашей встречей.

– Я рада, что мои усилия дали результат, – она наградила меня улыбкой. – Это необычное имя. Вы, должно быть, откуда-то издалека? Как случилось, что вы попали сюда?

– Руки ваших девочек, вероятно, уже онемели от арбалетов, направленных на моих бойцов. Еще немного, и они сами разоружатся. Вы уверены, что сейчас удачное время для рассказа о моей жизни?

– Что за нетерпение. Я просто хочу, чтобы мы познакомились поближе, прежде чем перейдем к делу.

– Ложь о своем прошлом? Какая в этом ценность? Ведь никто из нас не сказал бы правду.

– А вам не кажется, что, когда человек врет о себе, он выдает даже больше, чем когда говорит правду?

Я ничего не ответил на этот софизм. Араи рассмеялась и устроилась удобнее в кресле.

– Я бы спросила, чем обязана вашему визиту, но одного бездыханного тела на полу в моем главном зале достаточно для объяснения.

– Ваше заведение устроено со вкусом, мадам, – сказал я, стараясь сохранять невозмутимый тон.

– Благодарю. У меня на родине есть поговорка: «Устрой бордель так, чтобы тебе самой захотелось в нем трахаться».

– Правда?

– Нет.

– Жаль, это была бы великолепная страна.

– Эрея тоже была бы великолепной страной, если бы на королевском гербе вместо девиза «Верность до гроба» стоял призыв повышать качество обслуживания в борделях. Может, тогда храбрые рыцари, вместо бесконечного лечения триппера, смогли бы исполнить все те клятвы, что они так охотно дают.

– Признаюсь, мадам, это не та дискуссия, на которую я рассчитывал в столь аморальном месте.

– Я не знаю, чего ты ожидал. Но я не знаю иной сферы деятельности, где от хозяйствки бизнеса требовались бы столь высокие этические нормы. Подумай только, с каким большим доверием относятся к нам клиенты. В наших спальнях они снимают с пояса мечи, откладывают в сторону кошельки и скидывают одежду. Только в своем доме они находятся в столь же беззащитном положении и не рискуют попасть под удар. Только наша честность защищает их от нападения, воровства, триппера и бес tactности.

– А от арбалета, направленного в спину?

– Наши стандарты применимы только к клиентам. Возможно, к партнерам по бизнесу. Хочешь стать моим партнером, Ис?

– Я не знал, что у нас есть какие-то общие интересы.

– Как ни странно, но мы стоим на одной ступени, Ис. Солдат, получающий жалованье, прежде чем даст себя зарубить, продает свое тело так же, как и любая шлюха.

– Это довольно тенденциозная постановка во...

– Ах, не принимай мои слова близко к сердцу. Я глубоко уважаю тех, кто умирает за деньги. И презираю тех, кто гибнет бесплатно. За короля. За графа. За барона. Во имя ленного права и феодальной структуры.

– Запахло политикой. За такие идеи отправляют на эшафот без всяких вопросов.

– И поэтому эти идеи заслуживают внимания. Если кто-то боится их настолько, что угрожает смертью.

– Не кто-то. Мой работодатель, король.

Араи как-то разочарованно вздохнула, некоторое время задумчиво смотрела в пустоту над моей головой, и создавалось впечатление, будто она забыла о моем присутствии. А потом она вдруг снова сосредоточилась на мне и заговорила, полностью сменив тон:

– Я знаю, кого вы нашли на складе и для чего он вам нужен. Я знаю, кто вам сказал, что вы его там найдете. И я знаю еще очень много того, что может вам помочь добиться до цели.

– До цели? И какова наша цель? – спросил я бесстрастно.

– Круг.

Она угодила в самую точку. Каждый, кто хоть раз упомянул это название, заслуживал интерес со стороны полка.

— Я могу быть полезной для Седьмого полка, — продолжала Араи. — Многие важные люди оставляют здесь свои секреты. Я могу доверить их вам. Но и вам придется стать полезными для меня.

— Чего ты хочешь?

— Всего. Но мы начнем с небольших шагов.

— Не могу дождаться.

— У меня есть проблема… юридического характера.

— И ты собираешься обратиться с этим ко мне? — я удивленно поднял брови.

— Сила и право — это взаимозаменяемые термины, — спокойно ответила Араи. — Я думаю, ты способен решить мою проблему эффективнее любого чиновника.

— Тогда я слушаю.

— Здание, в котором мы сейчас находимся, к сожалению, мне не принадлежит. Я арендую его у одного купца. В последнее время наши отношения несколько ухудшились, и он заявил, что намерен заставить меня съехать отсюда. Это будет большой проблемой для моего бизнеса. Расходы на переезд, риск потерять клиентов, ты же понимаешь.

— Тебе нужен кто-то, кто объяснил бы купцу, что расторжение договора с тобой крайне невыгодно, — закончил я.

— Я знала, что мы поймем друг друга.

— Это все, что ты хочешь?

— Это компенсация за причиненный вами ущерб. Всё остальное — уже отдельная сделка.

— Если в самом деле у тебя есть сведения о Круге, то мы, конечно, заинтересованы. Только помни, что мы любим проверять полученную информацию. А те, кто вводит нас в заблуждение, сталкиваются с серьезными последствиями.

— Напрасная угроза. Но я понимаю ход твоих мыслей. Если привык иметь дело с людьми вроде Ифрита, то может сложиться впечатление, что это единственный способ ведения переговоров.

— Как зовут этого купца?

— Финнехан. Эрлорн Финнехан.

— Дай мне три дня.

— Я рада, что нам удалось прийти к соглашению. Ты убедишься, что наше сотрудничество будет очень выгодным для обеих сторон… — Она на мгновение замялась. — В качестве жеста доброй воли и доказательства моей полезности я дам тебе один совет: навести аптекаря Сантолини. На его складе можно найти много интересных товаров.

Я кивнул. Араи поднялась и направилась к двери. Я встал со стула и последовал за ней.

Когда мы спустились вниз, ситуация выглядела так же, как мы ее оставили. За одним исключением: Гиена лежал без движения на полу.

— Что это значит? — строго спросила Араи.

— Он жив, только без сознания, — сказала одна из девушек. — Он ужасно себя вел, его нужно было успокоить.

Я посмотрел на Ферре. Тот кивнул, подтверждая ее слова.

— Небольшая потеря, — Араи пожала плечами. — В любом случае мы пришли к соглашению. Возвращайтесь к работе, девочки.

Они опустили свои арбалеты и разошлись без слов.

— Спасибо за продуктивную встречу, поручик Норгаард, — сказала Араи, помахав на прощание с вершиной лестницы. — Не забудь передать Финнехану мое почтение. — Она повернулась и ушла.

Парша наклонился к лежащему без чувств товарищу и принял его теребить.

– Отвали, – простонал Гиена, медленно приходя в себя.
– Баба тебя уделала, – захохотал Парша.
– Иди в жопу! – огрызнулся со свойственным ему красноречием Гиена. А потом он заметил меня. – Ну как, Ис, успел перепихнуться?
– Я бы предпочел, чтоб ты и дальше лежал без сознания, – заметил Ферре и повернулся в мою сторону. – Подо что пришлось подписаться? Большая будет проблема?
– Нет, – ответил я непринужденно. – Наша любимая работа. Я также узнал кое-что интересное о местной фармацевтической промышленности.
– Что именно?
– Завтра мы наведаемся в магазин Видаля Сантолини. Что-то мне подсказывает, что мы найдем у него запас нелегальной святой воды.

Глава 2

Варак бредил. Не потому, что ударился головой или надышался каких-то паров. Просто витиевато-невразумительный стиль речи был обязателен для всех представителей его профессии. Кто будет всерьез воспринимать ясно выражавшегося алхимику? Я почти уверен, что существует некий королевский указ, предписывающий всем алхимикам вести себя, как совершенным безумцам.

Так или иначе, допрос Варака шел тяжело. Нет, он хотел говорить – болтал, как на заказ, но абсолютно без толку. Его речь, сплошь состоявшая из бессмысленных и абсурдных утверждений, лилась широким и непрерывным потоком на нескольких языках. Разумеется, у меня возникла мысль, не хитрая ли это тактика с целью запутать следователей, ведущих допрос. Чтобы это проверить, мы пригласили Безумного Йорлана, единственного человека, владевшего наречием сумасшедших в достаточной степени, чтобы перевести бред пленного на человеческий язык. Наш алхимик явно собирался ставить какой-то эксперимент (судя по тому, что мы увидели, кинув беглый взгляд на его келью, в опьте были задействованы клетка, полная мышей, большой кусок сыра и сосуд, наполненный едкой кислотой) и любезно согласился нам помочь, но при условии, что целый час проведет наедине с Вараком. Вопреки здравому смыслу, мы согласились.

– Это была неудачная идея – пустить туда Йорлана, – заметила Чи.

– Хорошо, что ты говоришь об этом сейчас, когда уже слишком поздно что-либо менять, – воскликнула Ника.

– Лучше поздно, чем никогда.

– Твоя способность предвидеть прошлое очень важна для нас.

Разговор этот шел в подвале монастыря на Речной. Мы с Чи и Никой стояли в коридоре перед входом в камеру, где Йорлан допрашивал пленника, и прислушивались к долетающим оттуда голосам. Через некоторое время к нам присоединился Считала. Разумеется, никакой пользы от его присутствия не было, а то, что Варак собрался рассказать, его абсолютно не касалось, но Считала заявил, что никак не может пропустить это зрелище – общение Йорлана с другим сумасшедшим алхимиком. Потому он вместе с нами вслушивался в доносящийся из камеры поток ахинеи и улыбался, как ребенок в ожидании подарка.

Наконец голоса стихли, дверь открылась, и на пороге появился Йорлан с окровавленным ножом в руке.

– Очень приятный в общении человек, мы замечательно побеседовали, – заявил он с улыбкой. – К сожалению, в конце нашего разговора он меня немного разозлил, поэтому я перерезал ему горло.

Чи ударила лбом в ладонь, а Считала захихикал.

– Напомните мне, пожалуйста, чья это была идея отправить туда Йорлана? – сердито спросила Ника.

– Вы действительно ожидали другого результата? – вставил, смеясь, Считала. – А почему этот алхимик вообще был так важен?

– Все в городе знают, что он снабжает бунтовщиков и заговорщиков, но до сих пор его не удавалось поймать, – пояснила Чи. – И самое главное, у нас были основания полагать, что он может быть связан с Кругом.

– Это правда, – спокойно согласился Йорлан. – Он рассказал мне несколько интересных вещей на эту тему.

Ника сжала кулаки и несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

– Хорошо, Йорлан, – сказала она, с трудом держа себя в руках. – Будь так любезен, расскажи нам, что тебе удалось узнать по этому очень важному вопросу от пленного, которого ты убил, хотя он владел ключевой информацией?

– Охотно, – сказал алхимик непринужденным тоном. – Я слушал его, правда, не очень внимательно, но, кажется, он упомянул, что ключ к планам Круга – это старинная рукопись под названием «О появлении монстра». Это, по мнению Варака, самый важный текст, когда-либо созданный.

– Ты выяснил, почему он так важен?

– Нет.

– Почему? Он не хотел говорить? Не знал?

– Не успел. Я же перерезал ему горло, ты забыла?

– Нет, Йорлан, – процедила сквозь зубы Ника. – Я не забыла.

На мгновение наступила тишина, капитан изо всех сил боролась с желанием порвать алхимика в клочья, а он спокойно стоял, с интересом разглядывая нож, который держал в руке.

– Мне скучно, – заявил Считала. – Может, уже пойдем к Сантолини?

– Не припомню, чтобы я поручала тебе это задание, – скривилась Ника.

– Я как раз вспомнил, – сказал я. – Ника, могу я взять Считалу с собой на допрос аптекаря?

– Ты же знаешь, я обожаю, когда меня ставят перед свершившимся фактом. В любом случае, вам здесь больше нечего делать. Катитесь к черту и постараитесь больше ничего не испортить.

Я решил, что сейчас не самое подходящее время сообщить ей, что я собираюсь взять еще Гиену и Паршу.

– Я тоже хочу пойти! – вставил Йорлан.

– Отчего ты решил, что я теперь позволю тебе высунуть нос за стены монастыря? – Ника аж покраснела от злости. – А ну, марш в лабораторию! Я запру тебя на ключ и не выпущу, пока ты не начнешь вести себя как солдат.

Алхимик продолжал стоять совершенно спокойно, с видом ребенка, не понимающего, в чем провинился. Пользуясь тем, что капитан полностью переключилась на Йорлана, мы со Считалой и Чи быстро смылись. Мы не собирались находиться в поле ее зрения, когда она вспомнит, что кому-то нужно убрать труп Варака.

– Спорю на целый склад, забитый амуницией, что, если Ника запрет его в камере, Йорлан взорвет дверь или растворит замок в кислоте, – шепнул мне Считала. – А что поставишь ты?

– Я тоже хотел на это спорить, – возмутился я. – Ты не шутишь насчет склада?

– Конечно, – ответил он невинно. – Я когда-нибудь давал тебе повод усомниться в моей честности?

– Надеюсь, это амуниция эрейцев, а не наша, – вздохнула Чи.

– Какая еще амуниция? – удивился Считала.

– Кого ты берешь в охрану? – спросила меня сержант.

– Гиену и Паршу. Найди этих остолопов и приведи к нам, мы будем ждать у ворот.

Она кивнула и ушла искать наших деревенских дурачков. Мы со Считалой вышли во двор и двинулись к воротам, ведущим на Речную улицу.

– Я вчера видел Олуха, – признался я. – Передает привет.

– Он все еще держит обиду за ту заварушку на мануфактуре?

– Не думаю, что его память способна на такие далекие путешествия в прошлое. Но владелец мануфактуры рано или поздно заметит недостачу.

– И тогда ложная зацепка приведет его прямо в штаб Восьмого кавалерийского. Чего в таком случае хотел Олух?

– Он все еще мечтает сломать Ротхару шею.

— Это очень мило с его стороны. — Считала отошел на минуту. — Как ты думаешь, как выглядит диета Олуха? Не может быть, чтобы такой великан жил исключительно на военных харчах.

— Разве что дополненных кониной.

— И ведром святой воды?

— Диета настоящего кавалериста.

Из здания монастыря появилась Чи, а за ней топали Гиена и Парша с довольно кислыми минами.

— Хочешь знать, чем эти идиоты занимались, когда я их нашла? — спросила она, подойдя к нам.

— Не особенно, — скривился я.

— Говори, что знаешь, — оживился Считала.

— Они кидались друг в друга крысиным дерьяном.

— Он первый начал, — стал оправдываться Парша. — У меня не было выбора, и мне пришлось ответить.

— Трудно его за это винить, — заключил Считала чертовски серьезным тоном. — Согласно рыцарскому кодексу чести, бросок крысиным пометом не может остаться без ответа, иначе тот, в кого его бросили, будет обесчещен.

— Правда? — съязвила Чи. — Я видела тебя с рыцарским кодексом чести всего раз в жизни, и то ты использовал его как подставку для ног.

— Очень полезный том, — кивнул Считала.

— Довольно, — прервал я их. — Выдвигаемся. Чи, займешься вопросом отхожих мест, пока меня не будет? Ситуация выходит из-под контроля.

Гиена усмехнулся. Сержант испепелила его взглядом.

— Конечно, Ис. Береги этих двоих. Это будет невосполнимая потеря, если кто-то из них получит ножом под ребро.

* * *

Аптека Сантолини располагалась в старом кирпичном здании на Веселой улице, в нескольких кварталах от реки. Поэтому нам предстояла короткая, но неприятная прогулка. Погода в тот день была типичной для местных земель. Лило не так уж сильно, чтобы жители сидели по домам, но достаточно для того, чтобы поддерживать в сохранности слой болотистой жижи на всех улицах, поэтому мы быстро испачкались до колен.

Но в целом мы и так справлялись с грязью относительно неплохо, в отличие от эрейцев, которые, даже оккупировав эту проклятую землю вечной сырости, не собирались отказываться от тяжелых доспехов. Будь то битва на сухой, обширной равнине или же патрулирование сырых улиц — эреец все равно навесит на себя столько металла, сколько сможет унести. А потом удивляется, что местные жители смеются над ним, когда он проваливается по колено в грязь и не может выбраться из нее самостоятельно. В Седьмом полку более гибкое отношение к экипировке. Во время службы в городе нам хватает кольчуги и дубленой кожи, не более того. Мы исходим из того, что если дело дойдет до драки, то либо у нас окажется преимущество, и мы будем преследовать врага, или враг получит преимущество, и тогда нам придется удирать. В обоих случаях главное — это скорость. Драка без явного преимущества — это не наш стиль. И хотя я не производил точных подсчетов, но могу ручаться, что в Эрее именно в нашем подразделении самый высокий процент бойцов старше тридцати лет. А дожить до такого возраста позволяет вовсе не отвага в бою, а исключительно pragmatism.

Толкотня на улицах не представляла для нас особой проблемы. Седьмой полк усердными трудами заработал дурную славу, и теперь наши усилия приносили плоды — жители

сами в миг разбегались по сторонам, едва мы появлялись в поле их зрения. У каждого из нас эмблема полка была вышита на куртке и вытатуирована на правой руке. Черная змея с открытой пастью. Лично я считал этот знак немного безвкусным, к тому же обычай делать одинаковые татуировки больше подходит для банды подростков, нежели для сеющего ужас воинства. Однако полковник настоял и оказался прав, потому что наша безвкусная змея на полковом знамени мощно действовала на воображение плебеев. Татуировка с изображением змеи, чей хвост обивался вокруг правого предплечья, а пасть раскрывалась на тыльной стороне руки, также производила неизгладимое впечатление. Конечно, с такой эмблемой о работе под прикрытием можно забыть, но от нас в этом деле все равно было мало пользы ввиду нашего культурного многообразия.

При наборе новых членов полка мы руководствовались правилом: «Не жри в сортире». А вернее: «Не нанимай в месте дислокации». Если ты примешь в свои ряды местных, то не удивляйся потом их сомнениям при подавлении беспорядков. К тому же, такие бойцы более склонны к дезертирству. Идеальный новобранец – это тот, у кого вообще нет дома, или кто находится так далеко от него, что само понятие дома для него – чистая абстракция (см.: Мои отношения с родным городом). Для такого человека все вокруг кажется странным, существуют только он и сослуживцы. Другие же представляют угрозу. Ничто так не укрепляет взаимоотношения, как синдром осажденной крепости.

По вышеперечисленным причинам не было в Седьмом полку никого, кто родился в Каэллархе, и большинство из нас прибыло из таких далеких мест, что никто о них даже не слышал. Мы были смесью всех племен и культур, представленных на Континенте, что изрядно выделяло нас на фонерасово однородной провинции и даже всего Королевства. И мало враждебного отношения к намaborигенов – эрейцы, дислоцированные в Д'uirсэтхе, также не проявляли к нам сочувствия, а просто терпели как неизбежное зло. Мы отвечали обеим сторонам взаимностью, что только усугубляло ситуацию, особенно страдали наши взаимоотношения с местными. Чем более враждебно они себя вели, тем с большим рвением мы подавляли беспорядки. Граф де Верде, главнокомандующий эрейских сил в регионе, прекрасно понимал наше положение и использовал это, всячески поддерживая миф о Седьмом полку как о палацах Д'uirсэтха.

Мы вчетвером добрались до Веселой улицы и нашли аптеку Сантолини. Было это элегантное и ухоженное место, предназначенное, очевидно, для самых зажиточных слоев городского населения. Вывеска над дверью гласила: «Аптека Сантолини – улучшаем качество вашей жизни уже 7 поколений». Это была, конечно, наглая ложь – владелец открыл свою аптеку всего четыре года назад, а его отец был мясником.

Мы вошли в дом. Помещение было просторным, безупречно чистым, в нем стоял сильный аромат трав и медикаментов. Вдоль стен тянулись полки, заставленные различными средствами как естественного (например, корень левокоста, который якобы ускоряет срастание костей), так и чисто алхимического происхождения (самым продаваемым товаром подобного рода была волшебная жидкость для удлинения полового члена). Кстати, жидкость эта – чистое шарлатанство и одурачивание простаков. Несколько месяцев тому назад Гиена выпил залпом всю бутылку и не добился какого-либо видимого эффекта.

Мы подошли к прилавку, за которым с чарующей улыбкой стоял сам Сантолини, высокий, красивый брюнет, совершенно не укладывавшийся в мои представления об аптекарях. Несмотря на появление в его магазине четырех наемников с мечами на поясе, мужчина и не думал снимать приkleенную к лицу широкую, дружелюбную улыбку. Кроме нас, никаких других клиентов не было.

– Добро пожаловать, добро пожаловать, чем могу быть вам полезен? Вероятно, вас терзают незаживающие раны, заставляя терпеть сильную боль? Перелом кости плохо застает? А может... – он понизил голос, – беспокоят некие проблемы интимного свойства? Иссякла живительная влага?

Сантолини, как и многие жители Каэлларха, выучил эрейский язык относительно недавно и только потому, что он был официальным. Потому он изъяснялся коряво, с сильным акцентом, его едва можно было понять, а кроме того, он имел привычку использовать родные идиомы в буквальном переводе.

— Мы скорее ищем что-нибудь для… общего укрепления, — ответил я, делая упор на последние слова.

Сантолини сочувственно покачал головой и сделал вид, будто прекрасно понимает, о чем я говорю. Я же не до конца отдавал себе отчет в том, что делаю, так как, если честно, план заранее не продумал. Я собирался только уговорить аптекаря продать мне незаконной святой воды, а в случае неудачи хорошенько вздрючить его и заставить признаться, где он прячет запас контрабанды.

— Для вас у меня есть одна вещь, — сказал между тем Сантолини. — Редких трав смешано немало и специально подобран алхимический состав. Самое лучшее в алхимии и натуральных методах лечения. Иммунитет к любой болезни. Не затронет слабость, подобно длинным лозам ив!

— Я не совсем это имел в виду…

— Конечно, конечно. У нас найдете вы и то, что по-научному зовется чудесами альтернативной медицины!

— Разумеется, — заметил Считала. — Нет лучшего лекарства, чем плацебо.

— Отлично, у меня есть что-то именно для вас…

— Это был сарказм, — вздохнул интендант.

— Ах да, разумеется. В таком случае, может…

— Нам нужна святая вода, — выпалил в лоб Гиена.

— Но простите! Святая вода — запретная субстанция!

— Мы наверняка можем…

— Застенками продажа карается! Темницей! И даже если я дожусь освобождения, мой магазин придет в упадок без меня! Я стану беден, словно мышелов!

— Как церковная мышь, — поправил я автоматически.

— Почему церковная? — удивился Сантолини.

— Поговорка. Беден, как церковная мышь.

— А церковные мыши беднее других мышей?

Я на мгновенье задумался:

— Возможно, эта поговорка восходит к старым временам, когда имущество религиозных учреждений было меньше и они ассоциировались с бедностью. Или это закамуфлированная насмешка над жадностью священников?

— Народная речь — это бездонное озеро, — рассудительно заметил аптекарь.

— Перестань нам лапшу на уши вешать. Неси святочку, — не выдержал Гиена. — Мы знаем, что ты ею торгуешь.

— Вы меня обижаете! Я, как выражаетесь вы, эрецы, купец, погрязший в честности. Только легальные товары на складе.

— Мы кое-что другое слышали.

— Язвительные языки конкуренции!

— Послушай, Сантолини, — спокойно сказал я. — Ты занимаешься этим делом довольно долго. Ты должен знать, что мы не поверим тебе на слово. Если понадобится, мы надерем тебе задницу и перевернем этот магазин вверх дном, заглянем в каждую коробку и отдерем все половины. Даже если мы ничего не найдем, то наделаем здесь такого шума, что все клиенты будут обходить тебя стороной.

— Несправедливые обвинения…

– И не думай, что кто-то извинится или официально оправдает тебя. Дай нам то, что нужно, и мы оставим тебя в покое. И даже заплатим за товар.

– Я смотрю на вас и вижу змей на руках, королевская служба. Смотрю и думаю: зачем же королевским воинам вода, что по приказу короля должна иссохнуть? Эрейцы отступают от эрейского закона?

– Мы не эрейцы, мы просто берем у них деньги. Каждый месяц у нас устраиваются бои без правил между отдельными частями. Мы поставили кучу бабла на нашего борца. Он не может проиграть, понимаешь?

– Важность чистого соперничества велика.

– Да насрать на важность соперничества, – прорычал Парша. – Важна победа.

– Если важность победы столь велика, то и цена должна быть высока, не так ли? Великий риск для магазина – продажа службе короля. Должна быть компенсация. Тройная.

– Стандартная ставка, мы не будем платить ничего лишнего. Компенсацией можешь считать то, что мы не пришли сюда с факелами.

– Я ищу воду, но не нахожу. Если тройная ставка, то и поиск тройной. Возможно, нахождение будет лучше.

– Двойная.

– Двойной поиск также может быть достаточным. Извините меня, господа, я на минутку.

– Иди за ним, – скомандовал я Парше.

Сантолини попытался что-то возразить, но передумал и проследовал в заднюю часть магазина, отодвинув занавеску, отделявшую подсобку от торгового зала. Вскоре он вернулся, неся в руках открытый сундучок с дюжиной пузырьков, наполненных прозрачной жидкостью.

– Чистейшая святая вода в Д'уирсэтхе – заявил он с гордостью, поставив сундучок перед нами на прилавке. – Высочайшее качество.

– Нам приятно это слышать, – сказал Считала. – Тем не менее, мы позволим себе провести небольшой тест.

Он вынул из кармана маленький флакон, которым снабдил нас Йорлан. Его содержимое вступало в реакцию со святой водой и окрашивало ее в красный цвет. Считала добавил средство в один из пузырьков в сундучке Сантолини. Жидкость начала менять цвет, но достигла только бледно-розового цвета.

– Разведенная дрянь, – заключил Считала. – Максимум двадцать процентов.

– Трибунал карает одинаково что за двадцать процентов, что за чистую святую воду, – ответил я.

Гиена и Парша обездвижили Сантолини железной хваткой, прежде чем тот понял, что происходит.

– А теперь поговорим о том, что нас действительно интересует, – предложил я.

Аптекарь даже не пытался вырываться. Он понял, что шанс освободиться из объятий Гиены и Парши у него нулевой. Лишь двигал глазными яблоками, следя взглядом за мной, а я тем временем спокойным, неспешным шагом приблизился к двери, перевернул табличку стороной «Закрыто» и задвинул засов. Затем зашел за прилавок и удобно уселся на стуле Сантолини. Считала же отправился к полкам и начал копаться в аптечных препаратах.

– Только реализация? – спросил я аптекаря. – Или производство тоже?

– Я... Я н-н-ничего не з-з-з-знаю, – лепетал он. – Я п-п-просто продаю... я не знаю, откуда вода в составе... я н-н-не делаю препараты, другой человек, а не я... Я только п-п-продаю то, что у меня есть...

– Ты владелец аптеки и единственный работник. Нет абсолютно никого, на кого бы ты мог перекинуть ответственность. Единственный вопрос, производишь ли ты продукт самостоятельно или только продаешь то, что получаешь от поставщика. Так что?

— Я... производя... — нерешительно ответил Сантолини. — Я не знал, что вода противоправна, правда. Фонтан идей дал мне рецепт случайно, эксп-п-перимент.

«Боится своего поставщика больше, чем нас, — подумал я. — Интересно».

— Где? — спросил я только.

— Ч-ч-что где?

— Где ты производишь?

Этот вопрос застал его врасплох. Я тяжело вздохнул.

— Сантолини, кончай эту игру, — терпеливо сказал я, как будто объяснял не очень умному ребенку сложную математическую задачу. — Ведь мы прекрасно знаем, что ты слишком глуп, чтобы изготовить святую воду. Ты плохой фармацевт, а тем более алхимик. Мы можем продолжать в это играть, конечно. Ты можешь указать нам какое-нибудь вымышленное место, где, как ты думаешь, у тебя есть лаборатория, мы проверим это и узнаем, что ты лжешь. И мы вернемся к исходной точке, разве что наше терпение заметно поубавится. Поэтому не трать свои усилия и просто признай, что кто-то другой подготовил этот препарат.

— Другой производил. Я только продавал.

— Хорошо. Первый этап позади. Ты должен выслушать меня очень внимательно, Сантолини. Твоя жизнь только что закончилась. Есть несколько различных вариантов, как могут дальше развиваться события, но как раньше уже не будет никогда. Тебе остается только выбрать меньшее зло. Теперь ты в наших руках, и мы можем тебя убить разными способами. Можем отдать тебя под суд, и ты лишишься всего, что у тебя было, и попадешь в тюрьму на несколько лет. Даже если ты выживешь и выйдешь на свободу, то сдохнешь с голоду на улице через несколько месяцев. Мы также можем подобрать тебе какую-нибудь просторную камеру в подземелье монастыря на Речной и пытать тебя там до победного конца. Ты наверняка слышал рассказы о Седьмом полку и о людях, которых мы взяли на допрос. Ты не мог не заметить, что герои этих рассказов, попадая в монастырь, из него уже не выходят. Наконец, мы можем просто уйти, оставить тебя в покое и пустить слух, что ты на нас работаешь. Как ты думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем к тебе наведется этот поставщик, которого ты пытаешься защищать? У тебя есть только один путь, не ведущий в finale к мучительной смерти. И первый шаг на этом пути — добровольной рассказ о том, кто производит святую воду, которой ты торгуешь.

— Я не знаю, — застонал Сантолини. — Не было никогда встречи лицом к лицу с производителем, всегда посредничество. Приходит посредник, дает то, что имеет. Я не знаю, откуда он, где растет продукт.

— Кто этот посредник?

— Махок Вивало. Он очень подозрительный. В прежние годы его товар — всякое барахло. А теперь в его руках богатство. Тратит много денег. Он ко мне с водой пришел и сотрудничество дал.

— Где мы можем его найти?

— Я не знаю, мы не ходим вместе. Но новая поставка через день, поздно вечером. Он приходит к заднему выходу из магазина.

— Сегодня один из этих дней?

— Да.

— Чудесно. Тогда мы подождем его.

В этот момент Считала высунул голову из-за занавески и дал мне знак, чтобы я заглянул к нему в подсобку.

— Успокойте его, — обратился я к Гиене и Парше.

Гиена тут же поднял свой кулак и вырубил Сантолини ударом по затылку. Я встал со стула и отправился в подсобку. Это была довольно обширная комната, загроможденная множеством аптечных склянок. Некоторые из них хранились в ящиках, как будто их только что доставили,

другие же были распакованы и готовы выставляться на полках. Комната освещалась плохо. Маленько окно с грязными стеклами погоды не делало, поэтому Считала зажег масляную лампу и установил ее на одной из верхних коробок.

– Всё это по большей части дерьмо, – заметил интендант. – В лучшем случае дает эффект плацебо, в худшем – легкое пищевое отравление. Но здесь есть и немного полезных вещей. Два ящика приличных медикаментов, которые могли бы пригодиться полку. И немного дорогоих бабских микстур, которые я мог бы толкнуть за хорошую цену на черном рынке. Так что, мародерство? Или играем честно?

Я немного задумался.

– А что тебе для этого нужно?

– От вас ничего. Просто проследите, чтобы меня никто не беспокоил, и я организую себе транспорт. Я отобрал только четыре ящика для погрузки, это не займет много времени.

– Ладно, действуй.

– Ясно. Я найду транспорт и подгоню его к магазину.

Считала вышел на улицу через заднюю дверь. Я вернулся на минутку к Гиене и Парше, ввел их в курс дела и попросил присмотреть за Сантолини. Затем уселся на коробки в подсобке и стал ждать возвращения Считалы, с интересом изучая собранные вокруг фармацевтические средства. Алхимия одарила нас многими чудесными изобретениями, начиная с напитков, гарантирующих длительную эрекцию, включая различные средства для красоты кожи и укрепления волос и заканчивая медикаментами, позволяющими бороться с самыми опасными заболеваниями. Помимо этих явно полезных даров алхимии появились и довольно сомнительные продукты. Наибольшую проблему представляет, конечно, святая вода – зелье, вызывающее неестественно быстрое увеличение мышечной массы у покупателя. Всего через несколько недель ее применения любой дохлик обрастает уродливой горой мышц. Конечно, ничего не проходит даром, святая вода вызывает и побочные эффекты, самый опасный из которых – разрушительное влияние на печень. Большинство людей, постоянно использующих святую воду, умирает через несколько месяцев, а их трупы отличает желтоватый оттенок кожи. Очевидно, это не сильно пугает всех заинтересованных в святой воде лиц. В Эрее она мало популярна, ее употребляют разве что только борцы и военные. (Давайте будем честными, неужели вы и правда думали, что мышцы Олуха имеют естественное происхождение?!) А в Каэллархе святая вода и вовсе запрещена, и именно поэтому все хотят ее получить. Запрет был введен отнюдь не ради заботы о здоровье местных жителей, а для защиты эрейцев от туземцев. Несколько десятков лет назад в соответствии с королевским указом употребление святой воды в провинции Каэлларх было строжайше запрещено. В Королевстве опасались, что если она распространится, то в случае восстания эрейским войскам придется сражаться с ордами озлобленных качков. Разумеется, как и все запреты, этот оказался совершенно бесполезным и только побудил каэллархцев попробовать святую воду.

Само название вещества появилось вскоре после объявления указа. В то время один хитроумный священник догадался использовать храмы, чей клир сочувствовал бунтовщикам, в качестве сети распространения запретной субстанции. Подпольщику, желающему укрепить силы перед схваткой с агрессором, достаточно было обратиться к знакомому священнику – местному патриоту – и попросить у него «особого благословения». Эрейские оккупационные силы лишь через несколько лет поняли, что запрещенное вещество распространяется через священнослужителей, и только тогда пресекли этот бизнес. Разумеется, вскоре появились и другие способы распространения товара, но название «святая вода» закрепилось уже навсегда.

Из раздумий меня вывел стук во входную дверь. Наверное, какой-то клиент не заметил вывеску «Закрыто», подумал я и не сдвинулся со своей коробки. Стук повторился еще несколько раз.

– Закрыто, приходите позже! – услышал я крик Гиены из соседней комнаты.

Некто, находившийся по другую сторону двери, оказался чертовски упрям, и потому снова постучал. А следом чей-то голос, вероятно женский, начал что-то выкрикивать.

– Закрыто! – отчетливо проорал в очередной раз Гиена.

В ответ с улицы донеслось еще больше воплей и яростный стук.

– Закрыто, валите на хуй! – Гиена снова проявил себя дипломатом.

На сей раз в ответ наступила тишина, которая внезапно сменилась жутким грохотом, будто кто-то перевернул шкаф, или высадил дверь, или... Твою ж мать, высадил дверь?! Я подпрыгнул и выскоцил в соседнюю комнату.

То, что я увидел, навсегда врезалось в мою память. Дверь магазина была вырвана из петель и теперь бесполезно валялась на полу магазина, а в образовавшемся проеме появился худой, но атлетически сложенный верзила в зелено-черной ливрее, означавшей, что он служит некому аристократическому роду. На поясе у него висел меч и два длинных ножа. Следом за ним через дверной проем протиснулась сухая пожилая дама в элегантном платье и огромной шляпе с пером. В другой части магазина, за прилавком, застыли Гиена и Парша, вылупив глаза на визитеров. У их ног лежал без сознания Сантолини, и, к счастью, клиенты не могли видеть его.

– Это действительно отвратительный уровень обслуживания, – ворчала женщина. – Сначала он велит мне ждать три дня, пока будет готова заказанная мною микстура, а теперь, когда я наконец пришла за ней, магазин оказывается закрыт.

– Госпожа, боюсь, что эти люди не аптекари, – верзила наклонился к ее уху. – Я думаю, было бы разумным уйти отсюда.

– Не аптекари?! – Старушку чуть удар не хватил. – Эй вы там, объяснитесь немедленно!

– Чего, блядь? – вырвалось у Парши.

– Возмутительно! – женщина пришла в негодование. – Какое мерзкое хулиганство! Вильгельм, немедленно убери эту гадость.

– Прошу прощения, но мне кажется, что это могут быть эрейские солдаты, – возразил Вильгельм. – Было бы неразумно...

– Вильгельм! Сейчас же!

– Да, госпожа.

Вильгельм плавным движением достал два длинных ножа и двинулся на нас. Парша все еще стоял, словно окаменев, с выпученными глазами, но Гиена уже успел выйти из ступора и выскоцил из-за прилавка с мечом в руке. Я даже не дрогнул. Гиена, конечно, не образец для подражания, но близкий бой не относится к числу его недостатков. Я был уверен, что он легко справится с каким-то подхалимом в ливрее.

Однако я быстро изменил свое мнение. Вильгельм сразу доказал, что он умелый и ловкий фехтовальщик, способный использовать чрезмерно агрессивный стиль Гиены себе на пользу. От первой атаки солдата он просто уклонился, а вторая дала ему возможность контратаковать. Он, конечно, не стал отражать удары меча своими ножами. Вильгельм лезвием в левой руке слегка изменил направление удара Гиены, а правой рукой нанес свой, поразив противника в предплечье, прямо в то место, где заканчивалась скрытая под мундиром кольчуга. Брызнула первая кровь, и Гиена рассвирепел. Его действия стали еще агрессивнее, и в результате он начал неоправданно рисковать, подставляя себя под контратаки. Полковая куртка Гиены скрывала надетую снизу кольчугу, и потому два выпада Вильгельма закончились лишь безуспешными толчками в туловище. Тем не менее, было очевидно, что в долгосрочной перспективе Гиена не имеет шансов на победу.

– Помоги ему, идиот! – рявкнул я Парше.

Тот наконец вышел из ступора, потянулся за мечом и двинулся, чтобы поддержать товарища. Вильгельм начал отступать. Он был чертовски хорош, но не настолько, чтобы справиться с двумя верзилами одновременно. Как раз в этот момент, как назло, очнулся Сантолини.

лини. Я направился к нему, чтобы снова оглушить, но аптекарь молниеносно оценил ситуацию и кинулся в сторону подсобки. Парша, проявив редкую для себя сообразительность, подрезал его и опрокинул на землю. Однако аптекарю удалось снова подняться и пуститься наутек, а мы с Паршой не смогли его остановить. Когда мы ворвались в подсобку, Сантолини уже успел схватить горящий светильник.

– Стойте! – заорал он. – Или взрыв всего!

Мы остановились.

– В коробке одна воспламеняемость! – воскликнул он. – Если лампа упадет, все обернется в дым. А теперь поставьте себя медленным темпом назад или смертность для всех!

Я стал соображать, насколько вероятно, что он говорит правду. Парша же не имел обыкновения задумываться.

– Ты блефуешь, – выпалил он и кинулся на аптекаря, воткнув нож ему в грудь.

Тот осел на землю, уронив светильник прямо на открытую коробку, стоявшую у его ног. Парень не солгал, хотя и несколько преувеличил угрозу. Пламя вырвалось почти мгновенно, охватив всю коробку, самого Сантолини и рукав куртки Парши, а затем мгновенно перекинулось на другие склянки.

– Валим отсюда! – закричал я и бросился бежать, а Парша помчался за мной.

Мы выскочили обратно в переднюю часть магазина. Гиена, истекающий кровью уже из трех ран, и Вильгельм по-прежнему дрались, но, заметив вырывающееся из-за наших спин пламя, немедленно прервали поединок. Слуга уронил на землю свои ножи, схватил в охапку растерянную старушку и выскочил на улицу. Мы с Паршой и Гиеной последовали его примеру.

Оказавшись на безопасном расстоянии, мы обернулись, чтобы оценить размах произведенных нами разрушений. Огонь распространился мгновенно, охватив уже весь магазин, и становился все жарче. Со всех сторон спешили городские стражники и обычные жители с ведрами. Несколько человек тыкали в нас пальцами, как на виновников происшествия. Вильгельм, все еще держащий в руках испуганную даму, воззрился прямо на меня.

– Мы никогда не встречались, – сказал я.

Слуга кивнул и удалился. В этот момент появился Считала, он ехал на повозке, запряженной двумя мулами.

– Твою же мать, даже на минуту нельзя с вас глаз спустить! – вид полыхающей аптеки Сантолини привел его в ярость. – Я же ненадолго отошел, хотел одолжить эту долбаную телегу, а вы умудрились сжечь всю эту халупу. И какого хрена Гиена весь в крови?!

– Долгая история, – ответил я. – В любом случае можешь уже, наверное, вернуть повозку ее владельцу.

– С какой стати?! Это единственный доход, что нам достанется после всей аферы. Телегу я забираю себе.

* * *

Если вы хотите знать, что нам было за пожар в центре города и причинение смерти по крайней мере одному мирному жителю, то отвечу коротко: ничего. Сантолини особо не любили и не уважали, поэтому никто по нему не плакал. А поскольку влажный климат Каэлларха не способствовал распространению пожаров, огонь не стал причиной масштабных разрушений, за исключением самой аптеки. Правда, по городу тут же поползли слухи о том, как «этим ублюдкам из Седьмого полка» спалили все имущество некого купца, после чего тот бесследно исчез, но подобные байки о нас появлялись с завидной регулярностью, и одна подлинная история утонула в море небылиц. Даже Ника не сильно распекала меня за этот случай. Да, мы убили торговца, но вытянули из него имя поставщика, так что, с точки зрения капитана, расследование прошло идеально.

Тем временем перед дворцом губернатора развернулись очередные беспорядки на почве регулирования мер и весов, и потому тема пожара в аптеке отошла на второй план. Кстати, это отличный повод, чтобы рассказать вам немного о том, какую проблему для Каэлларха составляла метрическая система.

Разделительные линии между жителями этой провинции и оккупантами из Эреи проходили через все аспекты жизни. Одной из наиболее насущных проблем, которые обострили спор, была система мер и весов. Эрейцы использовали современную метрическую систему, в то время как местные жители измеряли все локтями, ступнями и прочими частями тела и очень гордились этим – до такой степени, что сохранение традиционного способа измерения стало вопросом национальной идентичности. Местные продавцы тканей на рынке мерили все только в локтях, а когда кто-нибудь просил продать ему метр материи, они притворялись, что не понимают, о чем идет речь, пока покупатель не выразит своей потребности в локтях. Королевские чиновники не оставались в долгу и требовали во всех документах и расчетах пользоваться метрической системой. Напряженность росла с каждым днем, и туземцы находили все новые и новые выходы для своего раздражения. Во многих местах можно было увидеть на стенах надписи типа: «Ебать метры» и «Хуи – вот наши метры».

Во время одной, особо вдохновенной демонстрации перед губернаторским дворцом все ее участники принесли с собой деревянные палки с точно измеренной длиной в один метр и громкими криками заявили губернатору, что правильным местом для этих деревянных метров будет его почтенная задница. Тот быстро потерял терпение к народу, шумящему под балконом, и приказал дворцовой гвардии разогнать собрание. Поэтому люди сановника окружили демонстрантов, отобрали у них метровые палки и ими же их избили. Считала, очень гордившийся своим чувством юмора, назвал это событие «метрическими пиздюлями» и изо всех сил пытался пустить в народ выдуманную им остроту, чтобы та вошла в широкое употребление. К сожалению, термин совершенно не прижился, и я сильно сомневаюсь, чтобы «метрические пиздюли» стали названием главы какой-нибудь исторической книги, которую выпустят спустя десятилетия. Считала, однако, придерживалася иного мнения.

* * *

Когда я вернулся в монастырь после аптечной операции, отвел Гиену в лазaret и исповедался Нике в своих грехах, мы со Считалой решили немного расслабиться в резиденции Мальдолини. По дороге, правда, у нас случился небольшой конфликт с городским стражником, который назвал нашего интенданта «дьявольским отродьем». (Не помню, упоминал ли я уже об этом, но Считала – от природы рыжий, веснушчатый и чертовски злой, так что охранник был во многом прав.) Интендант парировал это замечание меткой репликой в стиле: «А твоя мамаша – шлюха», что, к нашему удивлению, не успокоило стражника. К счастью, мне удалось предотвратить конфликт. Я велел стражнику катиться к едрени фени, пригрозив при этом разукрасить его рыло. Такой аргумент оказался вполне убедительным, и наш оппонент поспешил удалиться.

Дождь шел довольно сильно, поэтому об отдыхе на крыше и речи не шло. К тому же там поселился сумасшедший Йорлан, который экспериментировал с тем, что он именовал «громоловушкой». Мы исходили из соображения, что лучше держаться от этой хреновины подальше. Вместо этого мы отправились на второй этаж особняка, в фиолетовую комнату. Это была моя любимая комната в Мальдолини – небольшая, но уютная, полная книг, собираемых годами, с двумя невероятно удобными креслами. Мы бросили монетку, и Считала проиграл, так что ему досталось место похуже – обивку за несколько недель до этого порезал ножом Йорлан, которому взбрело в голову, что предыдущие владельцы могли зашить в обивку какие-то ценности.

Очередное проявление безумия алхимика. Мало того что ради сокровищ он испортил мебель, так еще и сделал это, испытывая полнейшее безразличие к любому богатству.

Едва мы со Считалой расположились в креслах и вытянули ноги, нас нашел Зеленый, которому, вероятно, не терпелось доложить мне о своих достижениях. Сержант принадлежал к немногочисленной группе коренных эрэйцев, служивших в полку. Высокий, ловкий и сильный, он, к сожалению, был подслеповат и почти ничего не мог сделать без очков. Это, конечно, создавало большие неудобства на поле боя, но Зеленый отличался невероятным умом и дисциплинированностью и, даже если бы вообще ничего не видел, сумел бы успешно руководить людьми. Он принял в своей жизни только два плохих решения: во-первых, бросил академическую карьеру в Ворейнском университете, чтобы присоединиться к полку, а во-вторых, отказался от употребления мяса в пользу фруктов, овощей и прочего зеленого деръма. Короче говоря, Зеленый был вегетарианцем или, как выражался Гиена, «ебанным вегетационистом».

— Я по поводу Финнехана, — доложил Зеленый, войдя в фиолетовую комнату. Он кинул быстрый взгляд на Считалу, как будто не был уверен, можно ли говорить при нем.

— Пожалуйста, продолжай, — великодушно сказал интендант.

Зеленый с еще большим смущением посмотрел на меня, и я жестом разрешил ему говорить дальше.

— Эрлорн Финнехан, сын Ниркина Финнехана, — начал он свой доклад. — Купец, в основном торгует редкими специями, антиквариатом, произведениями искусства и другими предметами роскоши. Самый большой доход ему приносит импорт мебели, скульптур и керамики из-за Пограничных гор в Эрею. Финнехан нанимает от пятидесяти до семидесяти человек, которые регулярно водят торговые караваны через горы и обратно. Сам Финнехан ни разу в жизни не покидал Д'уирсэтха, он ведет свой бизнес из-за стола. В самом городе у него есть два магазина и четыре склада. Кроме того, он является владельцем многих других объектов недвижимости, в том числе семейной резиденции, в которой живет, а также здания на Окольной улице.

— Мне нужна аудиенция у почтенного купца Финнехана. Как можно организовать такое событие?

— Я приволок одного из его слуг и допросил. Мне не пришлось даже сильно на него давить, рассказы о подземельях монастыря на Речной, которые ему довелось слышать в последние месяцы, быстро развязали ему язык. Он признался, что у Финнехана в резиденции девять охранников, они трижды в день сменяют друг друга, и каждый отвечает за отдельный этаж. Кроме того, у купца есть двенадцать слуг, но только четверо из них проводят ночь в особняке. Они спят в подвале, им запрещено выходить на первый этаж с заката до рассвета под угрозой кнута. У Финнехана нет ни жены, ни детей, но зато много любовниц, но ни одна из них не остается сегодня на ночь в особняке.

— Отличная работа, Зеленый.

— Это еще не все. — Зеленый наконец сбросил официальную маску и явно был чертовски доволен собой. — Я подумал, что было бы неплохо усилить твои позиции в переговорах с Финнеханом, и поэтому отправил Дерека и Винона с факелами на один из его складов. Сегодня вечером купец получит сообщение о том, что потерял здание вместе с запасом товаров. Во время визита к Финнехану ты сможешь ему сказать, кого он должен благодарить за это.

— Ты проявил инициативу, — похвалил я его. — И это мне нравится.

— Да, если ты и дальше будешь с таким рвением поджигать склады местных торговцев, ты далеко продвинешься в нашем полку, — усмехнулся Считала. — Полковник известен своей слабостью к поджигателям.

— Не обращай на него внимания, — сказал я Зеленому. — Ты хорошо поработал, теперь моя очередь. Найди Ферре и скажи ему, чтобы явился ко мне до заката. Вечером мы наведаемся к Финнехану и дадим ему несколько советов по защите имущества.

* * *

Барды вряд ли пропоют песнь о нашем вторжении в особняк Финнхана. Троє низкооплачиваємых, засыпающих на ночном дежурстве охранников не представляли никакой проблемы для Ферре, который без особого труда обезвредил их и сложил рядом в подвале, как мешки с картошкой.

Благодаря разведке, проведенной Зеленым, мы точно знали, где находится спальня торговца. Купец, разумеется, ни на грош не доверял своим слугам, а потому двери запирал на ключ. С замком я справился старым, проверенным способом: сначала предпринял две неуклюжие попытки открыть его самостоятельно, что в обоих случаях завершилось громким падением отмычек на пол; потом пробурчал что-то о неисправности замка и халтурной работе и наконец сдался, после чего велел Ферре им заняться. Бывший барон (я даю восемьдесят семь процентов вероятности, что его лишили наследства) открыл дверь без каких-либо усилий, и мы оказались в комнате Финнхана, где и увидели нашу цель, глубоко спящую на огромной кровати под бархатным покрывалом.

Мы заперли двери, а на окнах, выходящих на улицу, задернули занавески. Они перекрыли лунный свет, освещавший комнату, поэтому пришлось зажечь светильник. Затем следовало позаботиться о том, чтобы произвести правильное впечатление. Я придвинул к себе стул и поставил его так, чтобы я хорошо видел Финнхана, а он хорошо видел меня. Усевшись, я принял позу, которая, по моему мнению, демонстрировала абсолютную уверенность и контроль над ситуацией. Не забыл я и закатать правый рукав, чтобы купец точно заметил татуировку с эмблемой полка на моем предплечье. Когда всё было готово, я подал сигнал Ферре, и тот шлепнул спящего открытой ладонью по лицу.

Финнхан резко пробудился и от неожиданности закричал. Увидев нас, он попытался сбежать, но запутался в одеяле и с грохотом свалился на пол. Ферре спокойно обошел кровать, приблизился к купцу и снова его ударил, на сей раз кулаком. Торговец принял орать, и моему телохранителю пришлось обездвижить его крепким захватом и засунуть в рот кляп. После этого Ферре заставил купца подняться, вывернув ему руку и едва не вырвав ее из сустава. После этого мужчина отказался от какого-либо сопротивления и сдался на милость победителя. За все это время я даже пальцем не повел, сохраняя свою продуманную небрежную позу на стуле.

— Я не отниму у вас много времени, господин Финнхан. Это будет короткий разговор, тем не менее, я бы предпочел вести его цивилизованно. Через минуту мой компаньон вытащит эту тряпку из вашего рта. Я прошу вас не кричать. Мы не боимся, что кто-то может прибежать к вам на помощь. Скажем честно, на помощь прибегать уже некому. Мы заткнули вам рот только ради собственных ушей. Через минуту мы вытащим кляп, и отныне все крики будут наказываться ударом в солнечное сплетение. Итак, до сих пор вам все было понятно?

Финнхан энергично кивнул головой. Я дал Ферре знак, тот вытащил кляп. Купец принял быстро дышать через рот, но ничего не сказал.

— Превосходно, — продолжил я. — Можем двигаться дальше. Сначала я скажу, чего мы хотим, а потом объясню, почему у вас нет выбора, кроме как исполнить наше желание. В конце нашей беседы я отведу немного времени на вопросы, возражения и мольбы о пощаде, которые мы полностью проигнорируем. Итак, чего мы хотим? Сохранить текущее положение дел. В частности, мы хотим, чтобы бордель на Окольной улице оставался там, где находится. Здание должно оставаться у нынешних арендаторов за прежнюю плату так долго, как они этого пожелают. Почему сопротивление нашим требованиям было бы глупостью с вашей стороны? Во-первых, если мы вошли сюда один раз, то войдем и снова, если захотим. Во-вторых, посмотрите, пожалуйста, на мою правую руку. Эта татуировка вызывает у вас какие-нибудь ассоциации? Так... Хорошо. В-третьих, сегодня вечером, перед тем как лечь спать, вы получили дур-

ные вести, не так ли? Пожар на складе? Страшное дело. Вам наверняка не хотелось бы, чтобы по некой нелепой случайности другие принадлежащие вам склады также сгорели.

Я остановился и дал Финнехану время, чтобы переварить эту информацию. Процесс шел медленно, но купца трудно в этом винить. Попробуйте нормально соображать, если вас грубо разбудили посреди ночи.

– С моей стороны всё, – сказал я. – Есть ли у вас какие-то вопросы?

– Зачем вы это делаете? – простонал Финнехан.

– Простите, я, наверное, неясно выразился. Есть ли у вас какие-то не идиотские вопросы? Он на минуту задумался. Умный ход с его стороны.

– Значит, все, что вы от меня хотите, это позволить борделю пользоваться зданием на Окольной?

– Именно так, я рад, что мы хорошо поняли друг друга, – просиял я. – У нас, однако, довольно капризная натура… Может случиться, что через какое-то время мы захотим чего-то совершенно иного. Или прямо противоположного тому, что мы сейчас хотим. Но я уверяю вас, если это произойдет, мы своевременно и четко сообщим о своих потребностях и подкрепим их соответствующими аргументами.

– Да, да… Конечно. Все, что нужно.

– Чудесно. Действительно, нам удалось прийти к согласию быстрее, чем я ожидал. Я только надеюсь, что нам не придется сюда возвращаться, чтобы напомнить о нашем договоре…

Финнехан резко помотал головой. Я бросил на Ферре красноречивый взгляд, и в следующее мгновенье купец уже лежал на полу, оглушенный ударом по голове. Беседа вышла продуктивная, но время поджимало, и мы стали собираться к выходу. Однако, прежде чем мы покинули резиденцию, я все же заглянул в столовую и изучил коллекцию спиртных напитков, собранных там. После долгих размышлений прихватил графин коньяка. На стенке сосуда можно было четко разглядеть букву «Ф» – знак рода Финнеханов. Я не сомневался, что Араи оценит такой подарок.

* * *

Я решил выждать два дня, прежде чем отправиться на встречу с Араи. Мне надо было убедиться, что Финнехан достаточно запуган и не готовит никакого сюрприза. Кроме того погода не очень способствовала выходу на улицу. Времена года в Каэллархе делятся на дождливые и очень дождливые, а у нас была как раз середина лета, самый отвратительный сезон. В течение двух дней я ничем не занимался, только читал книги из коллекции Мальдолини в фиолетовой комнате и иногда спрашивал сержантов, не убили ли кого-нибудь из моей роты. Наконец, на третий день я собрался, взял с собой Винона и Паршу в качестве прикрытия и вышел на грязные улицы с графином в сумке.

Нам удалось беспрепятственно добраться до Окольной, несмотря на то что Парша, видимо, дал кому-то торжественную клятву цепляться к каждому встречному прохожему. Изначально я собирался оставить телохранителей снаружи, но передумал. С тех пор, как Гиена попал в лазарет, Парша пребывал в самом отвратительном расположении духа, и останься он без присмотра на улице, где можно провоцировать прохожих, кровопролития было бы не избежать. Итак, мы втроем вошли в бордель. Заспанный вышибала, по-видимому преемник Гуира, ворчливо поприветствовал нас.

– Мадам ждет наверху, – пробормотал он, указывая на лестницу, и вернулся к своему посту у двери.

Я усадил Винона и Паршу на один из красочно обитых, удобных диванов в главном зале, а затем поднялся наверх в комнату, где вела свои дела Араи. Она расплылась в очаровательной улыбке, когда я поставил на ее письменный стол графин, прихваченный из дома купца.

– О, спасибо, Ис. Это действительно прекрасный подарок. По странному стечению обстоятельств, вчера ко мне приходил один из людей Финнхана и сообщил, что его начальник пересуммал нас выселять. Вы случайно не знаете, что убедило уважаемого покупателя?

– Понятия не имею. Не сомневаюсь, однако, что тот, кто с ним разговаривал, представил ему весьма убедительные аргументы.

– Раз уж речь зашла о загадочных событиях… Кажется, несколько дней тому назад сгорела аптека Видаля Сантолини. Ходят слухи, что Седьмой полк имел к этому отношение.

– Я слышал другую интересную сплетню. Кажется, этот бедолага, прежде чем встретить столь печальный конец в пламени собственной аптеки, раскрыл имя своего поставщика. Ты когда-нибудь слышала имя Махока Бивало?

Араи открыла ящик стола и вытащила два бокала.

– Давай насладимся вчерашним успехом, прежде чем начнем строить планы на завтра, – сказала она, разливая коньяк Финнхана в бокалы. – Знаешь ли ты, Ис, в чем самая большая проблема, с которой я сталкиваюсь в своей отрасли?

– Гонорея? – ответил я, не раздумывая.

Она обиженно скривила лицо.

– Конечно, нет. Алхимия решила эту проблему давным-давно. Только бордели самой низкой пробы, которые не хотят вкладывать средства в надлежащий уход, являются постоянным рассадником венерических заболеваний.

– Тогда что за проблема тебя преследует?

– Конкуренция. – Араи подала мне бокал. – Ис, у тебя была возможность посетить мое заведение, и ты знаешь, что у меня всё организовано на высшем уровне. Элегантный декор, полная конфиденциальность и профессионализм, а также алхимическая защита на высшем уровне. Широкий спектр предлагаемых услуг, в чем у вас была возможность убедиться, когда вы проходили через подвалы. Конечно, высокий уровень означает высокую стоимость, и потому я теряю много клиентов, отдающих предпочтение конкурентам, чей уровень услуг намного ниже, но дешевле.

– Кажется, я уже знаю, к чему этот разговор.

– Я была бы очень разочарована, если бы это было не так.

Мы замолчали на мгновение, наслаждаясь коньяком, который был действительно великолепен. По-видимому, придется снова навестить Финнхана и опустошить его бар.

– Так какой бордель мне надо сжечь? – спросил я.

– «Под бутоном розы».

– Будет довольно трудно убедить моих ребят в целесообразности такой акции, – сказал я с долей сомнения. – Многие бойцы из моей роты – постоянные клиенты «Бутона».

Араи кинула на меня испепеляющий взгляд, убедивший меня в правильности решения не признаваться ей в том, что я и сам неоднократно посещал «Бутон».

– Ты сделаешь им одолжение, спалив этот рассадник болезней, – сказала она сердито. – Это городской центр гонореи.

Я знал об этом слишком хорошо. После посещения «Бутона» мне уже пришлось дважды рискнуть, обращаясь к Йорлану за помощью в решении проблемы медицинского характера. Наш алхимик имел неприятную привычку сообщать о побочных эффектах только после употребления созданного им зелья.

– Дело не только в конкуренции, – внезапно объявила Араи.

– Нет?

– Клиенты «Бутона» не богаты. Девочки, которые там работают, – тем более. Зато владельцы… Этот бизнес принадлежит не какому-то вшивому сутенеру, там целое общество акционеров, которые проводят свое время за чаепитием у губернатора и карточными играми в особняке ван Дорренов. Они принимают решения, высчитывая операционную маржу и рента-

бельность инвестиций. Вот почему опытный алхимик никогда не ступал туда. Вот почему их работницы, жертвы нещадной эксплуатации, раздвигают ноги на грязных, завшивленных сенниках. Эти проклятые пиявки жируют на...

– Я должен подкинуть туда огня, когда владельцы будут в здании?

– Не смеши меня. Они там никогда не появляются. Когда эти типы хотят перепихнуться, они приходят не в такой притон, как «Бутон».

– «Устрой бордель так, чтобы тебе самой захотелось в нем трахаться».

– Они нарушают священный принцип.

Я колебался.

– Я не думаю, что можно сжечь здание без каких-либо потерь среди... персонала.

– Ничего не поделаешь.

– Я думал, что речь идет о прекращении эксплуатации, а не о сожжении эксплуатируемых...

Лицо Араи ничего не выражало.

– Изменение к лучшему осуществляется путем уничтожения коррумпированных, прогнивших институтов. Путем саботажа интересов. Путем лишения власти имущих чувства безопасности. Эта борьба происходит на уровне структур, а не людей. Мир можно менять лишь целостно. Идея рухнет, если думать о судьбе отдельных людей.

– Стоп. Мы говорим об изменении мира или о поджоге борделя? Знаешь, связь между одним и другим для меня не очевидна.

– Когда король велит жечь и убивать, ты затачиваешь меч и открываешь огонь по команде. А теперь ты будешь изучать мои мотивы? Оспаривать идеи? Ты, не имеющий иных амбиций, кроме как быть полезным инструментом?

Впервые с тех пор, как я встретил ее, она выглядела так, как будто собиралась потерять над собой контроль. И мне нечего было сказать. Зря я ввязался в эту дискуссию. Я пришел сюда, чтобы заключить сделку.

– Инструмент сделает, что от него требуется. Но взамен я хочу Махока Вивало...

– Ты получишь его на блюдечке.

– ...и кое-кого еще.

– Я слушаю.

– Я не знаю его фамилии. Его зовут Вильгельм. Высокий верзила, он служит у какого-то старого дворянского рода. И носит зелено-черную ливрею.

– Уничтожь «Бутон», и я расскажу тебе все, что знаю о нем. А когда мы в следующий раз встретимся, я буду знать о нем все.

Я допил свой коньяк и уже собирался встать, когда Араи спросила:

– А откуда взялось это название, Седьмой полк? Значит ли это, что до него было целых шесть наемных полков, выбитых из строя?

– Ты смеешься, а за этим стоит очень вдохновляющая история.

– Правда?

– О да. Услышав ее, ты пожалеешь о своем насмешливом тоне.

Я уселся удобнее на стуле, собрался с духом и начал рассказывать:

– Наши корни восходят к темным временам, которые наступили в Королевстве два десятка лет тому назад и потрясли эту прекрасную землю. Тогда правлению светлого и праведного короля угрожал коварный заговор, задуманный мерзким вампирическим бароном де Леттром. В самый темный час Королевства монарх был отрезан от своих союзников и вынужден был сражаться с превосходящими силами барона. Когда вражеская армия разворачивала свои внушительные фланги, советники призвали короля спасаться бегством. Они указывали на оставшееся жалкое воинство, от которого оставалось всего шесть полков. И тогда внезапно раздался новый клич: «Не шесть, а семь!». И вот на горизонте появились...

Араи, которая до сих пор слушала рассказ с прищуренными глазами, прервала меня:

– Вампирический барон, Иса?

– Да. Хитрая, коварная тварь.

– Вампирический барон? – повторила Араи, хихикая себе под нос.

– Ты даже не представляешь, насколько он подлый.

– Вампирический? В первый раз слышу такое прилагательное по отношению к человеку.

– Потому что и барон де Леттр был единственным в своем роде.

– Из-за необычайно высокой степени вампиризма? – На сей раз Араи уже открыто расхохоталась.

– Ладно, я выдумал всю эту историю, – признался я неохотно.

– Вампирический барон?

– Я запаниковал!

Араи потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться. Наконец, она заговорила ленивым голосом:

– У меня недавно появилась информация, которая могла бы тебя заинтересовать. Я бы обменяла ее на рассказ о том, откуда взялось название Седьмого полка. И пусть это будет для разнообразия подлинная версия, а не причесанная легенда, сохранившаяся в ваших хрониках. И уж тем более не очередная абсурдная импровизация в твоем исполнении.

– Что это за информация?

– Ходят слухи, что на рынке появился новый производитель святой воды. Причем они весьма насыщены подробностями. До такой степени, что я знаю точный адрес этого производителя.

– И ты обменяла бы нечто столь ценное на историю о названии наемной банды?

– Ну что я могу сказать? Седьмой полк возбуждает мое любопытство.

– Это неинтересная история. На самом деле она даже немного неловкая...

– На это я и рассчитываю.

– И в ответ я узнаю, где бьет источник святой воды?

– Равный обмен.

– Пожалуйста, – откашлялся я, чувствуя себя чрезвычайно глупо. – История Седьмого полка началась вскоре после Континентальной войны, когда после подписания Вестхааленского мира огромные массы бывших солдат были внезапно демобилизованы и не знали, чем заняться. Поэтому они стали делать то, что лучше всего умели, – грабили деревни и маленькие, плохо защищенные города. Ситуация в приграничье ухудшилась настолько, что регулярная армия получила приказ рассматривать любую более-менее крупную вооруженную группировку, не относящуюся к действующей армии, как враждебных захватчиков. Иными словами, если армейская рота встречала стаю оборванных, демобилизованных ветеранов, возвращавшихся с войны, то она вырезала их под корень, просто для уверенности и душевного спокойствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.